

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

АГЕНТ
ЛИВИЙСКОГО
ПОЛКОВНИКА

Спецназ ГРУ

Михаил Нестеров

Агент ливийского полковника

«ЭКСМО»

2012

Нестеров М. П.

Агент ливийского полковника / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2012 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-699-53342-8

Британская спецслужба МИ-6, специализирующаяся на шпионаже и контрразведке, выставляет ливийскому лидеру Муаммару Каддафи ультиматум: либо он добровольно отдает власть, либо агенты МИ-6 ликвидируют его. Полковник Каддафи никогда не любил, когда ему угрожают, и всегда предпочитал действовать на опережение. Он поручает своему лучшему агенту Салеху ар-Рахману отправиться в Лондон и убить главу МИ-6 Троя Смита. Ар-Рахман едет в столицу Великобритании. Мало кому известно, что на самом деле он – офицер Российской армии Андрей Рахманов, что он – двойной агент, и, отрабатывая задание Муаммара Каддафи, параллельно выполняет приказ ГРУ...

ISBN 978-5-699-53342-8

© Нестеров М. П., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Нестеров

Агент ливийского полковника

*Никогда не приписывайте злomu
умыслу то, что вполне можно
объяснить глупостью.*
«Бритва Хэнлона»

Книга основана на реальных событиях. Всякое сходство персонажей с действительным лицом чисто случайное. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Глава 1

Двойной агент – двойное задание

Ливия, Триполи, конец марта 2011 года

...Полковник прикоснулся к шершавой бетонной стене и тотчас отдернул от нее руку, как будто получил ожог. На самом деле от стены веяло холодом. Руку же он отдернул потому, что привык к другим ощущениям: стены его жилища всегда были теплыми и по-настоящему живыми. Он называл их легкими – они пропускали воздух с улицы; он называл их мембраной – они не препятствовали шуму извне, звукам, которые успокаивали мысли и чувства полковника и были сродни стуку колотушек сторожа в восточном городе: «Спите спокойно, достойные жители города». Он называл их своими глазами – он видел все, что происходило за ними.

Полковник и его поверенный находились в просторном помещении бункера, в который вели восемь лестничных маршей на глубину десяти метров. Беседа этих двух разных людей началась с упоминания одной из стратагем, гласившей: «Подняв шум на востоке, напасть на западе», а также имени человека, которого полковник выбрал в качестве исполнителя и назвал ар-Рахмана его настоящим именем: Андрей... Он процитировал Янь Биншана:

– «Нет ничего важнее, чем знать, как обмануть неприятеля: обмануть его своими приемами; заставить его обмануться в его собственных приемах; обмануть его, потому что он честен; обмануть его, потому что он жаден; обмануть его, потворствуя его невежеству; обмануть его, потворствуя его хитроумию. Можно предпринять его ложную атаку, а потом нанести настоящий удар, заставив противника осознать свой промах, после чего обмануть его еще раз».

Полковник знал Андрея Рахманова как приверженца стратагем и непревзойденного психолога. В своей работе по связям с террористическими организациями Рахманов руководствовался этими военными хитростями. Его жизненное кредо, тесно переплетенное со службой, вытекало из первой стратагемы: «Тот, кто старается все предвидеть, теряет бдительность». И об этом, конечно же, знал полковник Муаммар Каддафи – единственный куратор и начальник Андрея Рахманова. Он не из тех, кто крадет в полночный час и грабит в глухом закоулке. Он знает толк в хитростях и так никогда не поступит.

Полковник вернулся к столу (шаркающей походкой, заметил Андрей). Перебрал на столе бумаги; часть из них отправил в ящик, часть – в огонь. В этом помещении круглые сутки, поддерживая температуру 20 градусов, горел камин. Не очень экономичное средство для обогрева, однако он являл собой очаг – символ самой жизни, уюта; открытый огонь поддерживал надежду в груди 68-летнего полковника.

«Похоже, старик не знает, с чего начать», – снова подметил наблюдательный разведчик. Могло ли это означать, что полковник засомневался в своем подчиненном? Если да, то задание, которое он ему уготовил, – из разряда невыполнимых. В груди Андрея, которого в этой африканской стране называли ар-Рахман, что означало «милостивый», жила уверенность: невыполнимых задач не существует. В рамках разумного, конечно. Например, он не мог достать Луну с неба, но мог доставить заказчику настоящий лунный камень из музея НАСА.

– Возможно, мы больше не увидимся, – продолжал полковник.

Это прозвучало так странно и неожиданно для Рахманова, что он не принял слова начальника всерьез и отреагировал по-лакейски, наклонив голову: «Как прикажете, сэр».

– Мои враги могут опередить и меня, и тебя. Я хочу поговорить с тобой о возмездии.

– Если хотите, – послушно сказал Андрей. – Но что мешает вам отдать приказ и просто пожелать мне удачи?

Полковник Каддафи улыбнулся, сгоняя выражение печали с лица.

– Сколько тебе лет, Андрей?

- Тридцать семь.
- Порой ты мне кажешься моложе, порой – старше.
- Это ли не маскировка?
- Да, да, – покивал Каддафи.

Человек, которому он собрался поручить сложнейшее задание, не относился к той породе людей, которые верят в загробную жизнь, что в раю их примет в свои объятия тысяча девственниц. Рационализм – вот его руководство к действию, а все его действия основаны на логике; каждый поступок – это ступень на пути к цели. Об этом Муаммар Каддафи получасом ранее беседовал с абд-Аллахом Хасаном, командующим батальонами безопасности, обсуждал с ним и предстоящую операцию... и единственную кандидатуру, что само по себе выглядело трогательно. И абд-Аллаху Хасану, и Андрею Рахманову предстояла поездка в Европу. В Лондоне их пути разойдутся, поскольку абд-Аллах летел в Европу с так называемым миротворческим пакетом.

Полковник Каддафи молитвенно сложил на груди руки и негромко произнес, как если бы ночь накануне он провел со звездочетом:

– Есть знаки, что Аллах дарует мусульманам победу в Европе – без оружия, без завоеваний.

- Только не говорите мне, что это за знаки, – улыбнулся Андрей.
- Почему?
- Не хочу, чтобы вы обезоружили меня.
- А-а... – приоткрыл в улыбке губы Каддафи.
- Вы хотели ознакомить меня с каким-то документом?

– Вот он. – Лидер Ливии расположил его точно по центру стола и так, чтобы свет от настольной лампы падал только на одну половину листа – правую; лампа крепилась струбиной тоже с правой стороны. – Британская разведка выставила мне ультиматум: либо я добровольно отдаю власть, либо агенты МИ-6 ликвидируют меня. Этот документ подписан одной буквой – «С».

Рахманов кивнул. Британская служба МИ-6 (MI6 – Military Intelligence, или SIS – Secret Intelligence Service), основанная в 1909 году в качестве иностранного отдела Бюро секретной службы, специализировалась на шпионаже и контрразведке. Первый директор SIS – капитан сэр Джордж Мэнсфилд Смит-Камминг – в корреспонденции обычно подписывался одной буквой «С» (Смит). И это новшество вылилось в традицию: все последующие директора «Сикрет сервис» обозначаются этой буквой. Нынешнего директора звали Трой Морган *Смит*, что несколько упрощало процедуру «идентификации».

- Текст обращения Смита я получил вчера днем, – продолжил Муаммар Каддафи.
- Вы ответили Смицу?

– Да. Одним словом: «Берегитесь!» Я даже получил уведомление о том, что Смит ознакомился с моим ответом. Его агенты уже в Ливии, среди повстанцев. И тебе, мой преданный друг, нужно отправляться в Лондон. Ливийцы не знают Данию, они не могут ненавидеть Данию. Они знают Англию, и они ненавидят Англию.

Муаммар Каддафи воспроизвел одну из своих фраз, ставшую в ливийской Джамахирии крылатой. В оригинале в ней – ненавидимая Ливией Италия. В равной степени это относилось к Франции и Швейцарии; США в списке полковника заняли четвертую строчку, завоевав «шоколадную» медаль.

– На этом закончим, Андрей. Детали обговоришь с полковником абд-Аллахом. Я не стесняю вас в средствах. Вы воспользуетесь одним из моих незамороженных счетов в европейском банке. Да, и вот еще что. Если вдруг представится такая возможность, скажи директору МИ-6: Каддафи невозможно уничтожить – он в сердцах миллионов ливийцев.

Полковник встал, обошел стол и, обняв Андрея Рахманова, дважды коснулся щекой его щеки.

- У меня к вам просьба.
- Слушаю, – отстранился от него Каддафи.
- Прежде чем отправиться на задание, я хотел бы побывать в Москве.
- Да, да, Москва для тебя – храм...

Андрей, всякий раз отправляясь за рубеж, планировал маршрут через столицу Российской Федерации. Полковник ни разу не спросил: «Если Москва для тебя – храм, то что для тебя Триполи?»

Он дал добро и остался один в каменной «палатке», заглубленной на десять метров, – там, куда его загнали натовские бомбы и крылатые ракеты.

* * *

Московская область, 2 апреля

Полковник ГРУ Михаил Большаков, одетый в кожаную куртку и теплые полусапожки, встречал гостя из Ливии в аэропорту «Шереметьево». Обменявшись с ним рукопожатием и общими фразами, он отвез Рахманова на дачу управления, затерявшуюся в зелени Наро-Фоминского района Московской области. Дорогой они разговаривали ни о чем, избегая темы развязанной против Ливии агрессии, – всему свое время. Только на даче, воздух которой был пропитан хвоей, кружащей голову и переполнявшей грудь, они заговорили о деле.

Большаков присвистнул, узнав о секретной миссии Рахманова, и спросил:

– Берешься за это дело?

– А как же? – чисто по-русски ответил Андрей. – Как обычно в таких случаях, я ставлю вас в известность и рассчитываю на ваши рекомендации.

Разрыв Рахманова с военной разведкой не стал болезненным, поскольку был условным: он получал статус двойного агента. Андрей не раз отвечал на вопрос: знает ли о его скользком положении полковник Каддафи? Скорее – да, в лоб он у него не спрашивал. Как ни странно, существование под боком двойного агента было выгодно ливийскому полковнику, и тому было несколько причин. Первая – такой агент имел мощную поддержку со стороны одной из лучших в мире разведок. Вторая причина вытекала из первой: сведения, собранные двойным агентом, концентрировались в одном месте и не могли быть доступны третьим лицам. Проще это выглядело так: *агент, получивший задание от своего руководителя, для его выполнения использовал возможности ГРУ, что многократно повышало шансы на успешное завершение операции*, и плата за это была оптимальной. Дело в том, что Каддафи слыл приверженцем открытых противостояний. Он не держал в секрете даже кадровые вопросы того или иного центра, спецслужбы, – смотрите и трепещите; он предупреждал противника от опрометчивого шага. И такую политику полковник считал оправданной. Враги, зная его возможности хотя бы в плане прочных уз Ливии с террористическими группировками в Европе, прокручивали эту тему в ситуационных центрах, и готовый результат их вряд ли мог утешить: десятки группировок и сотни агентов-одиночек были готовы по распоряжению ливийского руководства превратить любой европейский город в огромный факел. Займи Каддафи обратную, скрытную позицию, и его империи давно пришел бы конец. Жертвы с обеих сторон исчислялись бы тысячами, но такова суровая реальность нового мира. Во многом благодаря хрущевской тактике: «Мы делаем ракеты, как сосиски!» и «Мы вас похороним!» – полковник держал одну из самых загадочных стран в своих руках.

И вот он, посылая в тыл врага одного из лучших своих агентов, рассчитывает на помощь в этом деле ГРУ. Но знает он и другое: Андрею придется расплачиваться за это ненасытными интересами военной разведки России.

– Полковник знает о твоём визите в Москву?

– Если знаешь, зачем спрашиваешь? Извини, Михаил, – в знак примирения Рахманов поднял руку, – утомили чертовы перелеты. Добираться пришлось через Каир. Я полон сил и выдержки, но...

– Ты приберег их, ясно, – закончил за Андрея полковник ГРУ. Он был невысоким, плотного телосложения, лет сорока, с короткой стрижкой. – Еще вина?

– Да, пожалуй, – бросив взгляд на бутылку, не стал отказываться от настоящего грузинского вина Андрей. Сейчас он мог сказать, что «Хванчкара» – его любимое вино, хотя пил он его редко. Вряд ли закуску на этом столе можно было назвать тонкой, но темно-рубиновая «Хванчкара» неплохо подходила к ней: вареный цыпленок, сыр, магазинный салат из баклажанов.

Большаков еще раз наполнил бокалы и огляделся, как если бы находился здесь впервые. Дача представляла собой деревянное двухэтажное строение, находящееся под охраной одного, реже – двух охранников. Во дворе не было ничего декоративного: скошенная триммером трава походила на колючий газон – босиком ходить невозможно. И в этом плане самым безопасным маршрутом считался овал из тротуарной плитки, выложенный внутри плодового сада, огороженного высоким и плотным забором.

Первый этаж собственно гостиная: четыре стула вокруг стола, что может быть проще и уютнее? На втором этаже располагались спальные комнаты, прозванные гостевыми. Сама же дача походила на небольшой мотель со всеми полуспартанскими удобствами, включая русскую баню, вплотную примыкающую к дому.

– Так ты ждешь от нас рекомендаций или конкретной помощи, Андрей?

Рахманов промолчал.

– Хочу усложнить тебе жизнь и задание, – продолжал Большаков.

– Каким образом?

– У нас в Англии есть пара нерешенных задач. Может быть, если подумать, решение одной из них поможет тебе решить другую – твою.

– Если хочешь что-то получить, готовься заплатить за это?

Большаков развел руки в стороны:

– Ну, не я придумываю условия.

Это прозвучало откровением. Еще вчера подобное называлось – издать распоряжение или предписание.

Андрей усмехнулся и промолчал.

– Я постараюсь тебе помочь, – обнадежил его Большаков. – Располагайся тут как дома. Еду и вино найдешь в холодильнике. Если что – звони или обращайся к дежурному.

Большаков вернулся на следующий день под утро, не было и семи, однако Рахманов находился уже на ногах, гладко выбритый, в свежей рубашке. Он сам приготовил завтрак, налил своему нынешнему куратору кофе. Тот, сделав глоток и положив перед собой папку с бумагами и ноутбук, приступил делу:

– В Англии у нас несколько интересов...

«Еще вчера их была пара», – мысленно подсчитал Рахманов.

– Один из них носит личный характер. Слышал, конечно, о Феликсе Сахарове?

– Конечно, – кивнул Андрей. Лично он считал историю с Племянником (это псевдоним офицера ГРУ, изменившего Родине) замшелой. Сахаров, получивший убежище в Великобритании, в прошлом или позапрошлом году выслушивал юбилейные речи по поводу своего 70-летия. Однако любая уважающая себя разведка не терпит незаконченных дел. Каждый предатель должен получить по счетам. И необязательно заплатить за это смертью. Одна из расправленных кар – это постоянное давление и преследование, от которого жертвы нередко попадали в психушку. Еще один вариант, озвученный председателем российского правительства:

«Предатели всегда плохо кончают – либо от пьянки, либо от наркотиков, под забором». Так что Андрей Рахманов поторопился отнести историю Феликса Сахарова к категории замшелых. Пока что Племянник находился на положении заслуженного пенсионера.

– Вы хотите узнать адрес Племянника?

– И это тоже, – выразительно подыграл глазами полковник ГРУ. – Нам поступила информация, что у него вилла в графстве Сассекс.

– Вы много хотите.

– Я же сказал: не я ведаю конторой, издающей указы. Но они создаются и подлежат неукоснительному исполнению. Вчера я сказал, что постараюсь тебе помочь.

– Утяжелить одно задание другим, по-твоему, помощь? Может, получится так, что я выполню одно задание, но провалю другое и в любом случае отвечу за провал. Вы уже назначили мне наказание?

– Не заводись, Андрей. Прочитай-ка вот этот документ. Считай, что он подготовлен...

– Для меня?

– Для такого случая, как твой.

СПРАВКА

Музей военной разведки (Museum of the Military Intelligence) образован в ноябре 1951 года и находится в восточной части Вестминстерского Сити (центр Лондона). Часы работы музея – среда, пятница, суббота – с 7.00 до 19.00. В музее выставлены экспонаты, относящиеся к деятельности подразделений и отдельных агентов военной разведки в период 1939 – 1950 гг. Также выставлены на обозрение более поздние образцы вооружений, амуниции, техники, в том числе иностранного производства: США, Германии, Голландии, – использовавшейся боевыми единицами МИ-6. Надежный источник из МИД Великобритании утверждает, что заверения музейных работников об «основных технических параметрах экспонатов, находящихся в пределах работоспособного состояния», соответствуют действительности. Так, 8,1-миллиметровый пистолет для ношения в рукаве (британская Служба специальных операций и американское Управление стратегических служб) экспонируется в рабочем состоянии. То же самое относится к ряду других экспонатов (список прилагается).

...Тот же источник утверждает, что встреча директора МИ-6 и директора Министерства финансов США проходила в июне 2010 года в зале Музея военной разведки в нерабочий (четверг) день. Допрос перебежчика из СВР ЛЯМЗИНА В.С. проходил под личным контролем Троя М. СМИТА в следственном изоляторе МИ-6, известном как Lower citadel («нижняя цитадель»). Плюс ряд других случаев секретных переговоров и допросов с участием СМИТА в этом музее.

Примечание:

«Нижняя цитадель» расположена в подвальном помещении Музея военной разведки. Какие-либо данные о следственном изоляторе, как то: численность сотрудников, охрана, технические средства и прочее – засекречены. Доступ в «нижнюю цитадель» разрешен сотрудникам отдела 037 Службы собственной безопасности МИ-6, ныне возглавляемом Натаном ПАТТЕРСОНОМ.

Андрей прочел донесение разведчика (необязательно российского, это мог быть перевод с английского, французского, немецкого), занимающего в МИД Великобритании какую-то должность. Важность справки трудно было переоценить. Андрей узнал место конфиденциаль-

ных встреч человека, которого ему надлежало ликвидировать. Осталось подумать, как свести в этом месте директора МИ-6 и Феликса Сахарова. Казалось, что все просто. На бумаге.

Оставив Большакова за столом одного, Рахманов прошелся по просторной гостиной, думая о том, как же совместить в одном деле два. Он отчетливо видел финал (побежденные останутся в «нижней цитадели», а победитель уйдет через портал Музея военной разведки), но как сплести начало и середину? Дорогу осилит идущий?

– У тебя будет время подумать, Андрей. Работа на долгую перспективу, как я понял.

– Отчего же? – ненароком съязвил Рахманов. – Я постараюсь уложиться в короткий срок. Если ты не слышал, я тебя просвещу: на мою страну падают бомбы.

– Ну зачем ты так?

Большаков мог по памяти воспроизвести ход операции против Ливии. Ключевым стал день 19 марта – когда Николя Саркози собрал в Париже лидеров Лиги арабских государств, Евросоюза и ООН после принятия Совбезом ООН резолюции 1973, предусматривающей «возможность проведения иностранной военной операции для защиты населения Ливии от войск Каддафи»; по ее итогам было заявлено, что операция может начаться в ближайшие часы. ВВС Франции нанесли первыми удар по ливийской технике в 12 часов 45 минут (время московское), обстреляв *«автомобиль неизвестного типа, который представлял угрозу для гражданского населения Ливии»*. В 19.00 19 самолетов ВВС Франции вылетели в зону Бенгази с заявленной целью «защиты населения города от сил Каддафи». Авиаудар по ливийской военной технике был нанесен спустя три четверти часа. Обстрел ракетами «Томагавк» – 114 штук – по системам ПВО также совершили американские и английские корабли и подлодки. Нападение привело к многочисленным жертвам среди мирного населения Ливии, в том числе детей и женщин; разрушен кардиологический центр, пострадали дороги и мосты.

20 марта. ВВС западной коалиции рано утром продолжили наносить авиационные и ракетные удары по столице Ливии. Три американских самолета В-2 сбросили около 40 бомб по главному ливийскому аэродрому. К операции присоединились самолеты Италии и Дании. Английские ВМС сделали новые залпы по ПВО противника. Установлена морская блокада Ливии путем постановки на рейд более 20 боевых кораблей и подлодок стран западной коалиции.

21 марта 2011. Жители Триполи встали на защиту объектов в качестве живых щитов. Первые боевые вылеты начали совершать самолеты Испании и Канады. Одна из ракет, выпущенная с американского военного корабля, уничтожила резиденцию Каддафи в Триполи. Каддафи там не оказалось. Военные по-прежнему заявили, что полковник не является целью войск коалиции.

22 марта. Франция расширила свой контингент, направив дополнительно два самолета «Мираж 2000-5» и «Мираж 2000-D» на военную базу в Италии.

23 марта. Командующий ВВС Великобритании заявил, что ВВС Ливии больше не существует.

24 марта. ВВС Норвегии присоединились к операции «Рассвет одиссеи» и передали под оперативное руководство ВВС США шесть истребителей F-16. ВМФ Великобритании нанес удар ракетами «Томагавк» по целям ПВО Ливии. Самолеты нанесли бомбовый удар по авиабазе «Себха».

25 марта. Два британских «Торнадо» и французские «Миражи» уничтожили несколько танков. К операции примкнули катарские «Миражи». Три бомбы с лазерным наведением были сброшены с двух норвежских «Фантомов»...

И сегодня, 2 апреля, авиаудары по ливийским городам продолжились. Казалось, мир сошел с ума. Похоже на пьяную драку, в которой двадцать человек одного пустили в пинки.

Большаков уловил жест Рахманова.

– Да, слушаю.

Андрей, читая справку, запнулся на одной фамилии – Паттерсон; всего же в документе были перечислены два человека: директор МИ-6 и один из его подчиненных.

– Не тот ли это Паттерсон, который стоял за взрывом «Боинга» в 1988 году? – спросил он, сделав неверное ударение – на последний слог.

– Паттерсон, – поправил его Большаков, акцентируя первую гласную. – Он самый. Поклонник затяжных спецопераций. Нам стало известно, что спецпрограмму «Льотей», разработанную в 1953 году в МИ-6 и направленную на развал коммунистического блока, Паттерсон считает венцом в делах, результат которых ожидается через тридцать-пятьдесят лет.

Рахманов нарисовал перед глазами картину: аэровокзал, толпа встречающих смотрит на табло, а там напротив спецрейса строка: ожидается через тридцать пять лет. Безнадега.

Большаков нашел и открыл в ноутбуке документ и развернул компьютер к Рахманову, сделав вступление своими словами:

– Прадед и прабабушка Натана – выходцы из России, носили фамилию Беларские. Имя свое Натан получил в честь прадеда-еврея – Натаниэля. Жесток, исполнитель, мастер карате – пятый дан госоку рю...

Рахманов покивал, зная тему: госоку рю – жесткий и быстрый стиль.

– Натан Паттерсон родился 21 февраля 1962 года, – продолжал Большаков. – Вошел в состав группы 037... Хочу тебе напомнить, что этот отдел относится к директорату по разработке иностранных спецслужб и обеспечению собственной безопасности.

– По-другому – директорат контрразведки и безопасности, – согласился Рахманов. – Я знаю.

Всего «Сикрет сервис» насчитывала пять коллегияльных объединений, в том числе кадровой и специальной поддержки в плане оперативно-технических средств для нужд подразделений разведки.

Большаков продолжил:

– В возрасте 26 лет Паттерсон вошел в состав спецгруппы 037, и дело Локерби для него стало первым и самым значимым в жизни событием. Образно говоря, горящие обломки пассажирского лайнера затмили другие яркие мгновения в его жизни: женитьба, рождение ребенка, развод.

...Некоторые СМИ трагедию, разыгравшуюся в небе над шотландским городом Локерби, назвали «Взрывом перед Рождеством». В 19.00 21 декабря 1988 года «Боинг-747», выполнявший рейс № 103 из Лондона в Нью-Йорк, пропал с экранов радаров авиадиспетчеров. Через восемь минут спецслужбы зафиксировали мощный взрыв на высоте тридцать тысяч футов. Обломки самолета обрушились на жилой квартал Локерби. В итоге в этой авиакатастрофе погибли двести семьдесят человек, одиннадцать из них – жители этого шотландского города.

Генеральный прокурор Шотландии предъявил официальные обвинения в теракте сотрудникам спецслужб Ливии, посчитав теракт над Локерби ответом Муаммара Каддафи на британо-американские бомбардировки Ливии, санкционированные лично Рональдом Рейганом и Маргарет Тэтчер в 1985 году. США в одностороннем порядке ввели против Ливийской Джамахирии торговое эмбарго, и только спустя четыре года последовали официальные международные санкции Совбеза ООН.

В конце 90-х годов Муаммар Каддафи в обмен на ослабление санкций против его страны, включенной госдепом США в список спонсоров международного терроризма, выдал обоих подозреваемых в теракте. Представители Ливии, США и Британии сели за стол переговоров, чтобы решить вопрос компенсации родственникам погибших рейса № 103, а это преимущественно американцы.

Судебные слушания над двумя ливийцами затянулись на год. В январе один из них был признан виновным в организации теракта и получил пожизненный срок, другой был оправдан. Это при том, что суд не смог установить, как портфель со взрывным устройством попал

на борт «Боинга». Рассматривались три версии: аэропорты Мальты и Франкфурта-на-Майне, где самолет за несколько часов до трагедии делал технические остановки, а также лондонский аэропорт «Хитроу». В ходе слушаний был выявлен еще один фигурант «локербийского дела»: предприниматель из Швейцарии, связанный с восточногерманской «Штази», Ирландской республиканской армией (ИРА) и баскской террористической группировкой ЭТА.

Однако приговор, вынесенный ливийскому сотруднику спецслужб, не ослабил международные санкции против Ливии, на что рассчитывал Муаммар Каддафи. Наоборот, международное давление на Ливию только усилилось. Джордж Буш публично объявил Ливийскую Джамахирию и ее лидера изгоями. Но позже предложил Каддафи, чтобы тот публично признал ответственность Ливии за взрыв «Боинга» и выплатил семьям погибших по десять миллионов долларов. Общая сумма компенсации составила два миллиарда семьсот миллионов, и это была цена за снятие с Ливии санкций и клейма спонсора терроризма.

Помимо этого Запад принудил Муаммара Каддафи провести в стране внутренние реформы. Так, в начале лета 2003 года полковник разрешил частное предпринимательство и открыл экономику для американских, в частности, инвестиций плюс обещал «хранить невозмутимое спокойствие», пока американцы и британцы ведут войну против Ирака.

Однако в пятнадцатилетней тяжбе вокруг дела Локерби точку не дают поставить некоторые родственники погибших. Они отказываются принять многомиллионную компенсацию, считая, что США и Великобритания сделали ливийцев козлами отпущения и скрыли имена настоящих виновников трагедии. С их стороны прозвучала версия о том, что *взрыв – дело рук британо-американских спецслужб*, а цель его – глубокая реформа Ливии, выгодная Западу, плюс природные богатства Джамахирии.

Также в деле Локерби появился «французский сюрприз». Париж заблокировал в Совбезе ООН резолюцию о снятии санкций с Ливии, и причиной послужил французский пассажирский самолет, выполнявший рейс UTA-772 и взорванный ливийскими агентами в небе над Нигером (тогда в сентябре 1989 года погибли сто семьдесят человек) в отместку за поддержку Парижем Республики Чад в ее территориальном споре с Ливией. Полковник Каддафи предложил французской стороне компенсацию в тридцать три миллиона долларов – МИД Франции отказался, назвав эту сумму подачкой, Каддафи назвал претензии Парижа шантажом. В конце концов Муаммар Каддафи в своем выступлении по случаю 34-летия «зеленой» революции объявил о своем решении «заплатить французам», подчеркнув, что не считает свою страну ответственной за теракт. «Нам важно наше достоинство. Деньги нам безразличны. Дело Локерби уже закончено, теперь закрыто и дело UTA. Мы открываем новую страницу в наших отношениях с Западом». Также полковник сказал о том, что обсудил подробности сделки в телефонном разговоре с президентом Франции Жаком Шираком.

«Родственники погибших считают, что взрыв «Боинга» – дело рук британо-американских спецслужб, а цель его – глубокая реформа Ливии и ее природные богатства». Это была истина, заключенная в три строки. По крайней мере две спецслужбы – Ливии и Великобритании – знали имена исполнителей теракта, и среди них значился Натан Паттерсон, ныне возглавляющий бранч-037.

– Что не дает Паттерсону оказаться в опале?

– Покровительство нынешнего директора военной разведки – Троя Смита, – ответил Большаков, пожимая плечами. – Это же очевидно. В 1988 году он принял заказ от правительства и организовал теракт, а Натан Паттерсон стал его исполнителем. Когда Смит занял кресло шефа МИ-6, он подтянул к себе Паттерсона и организовал под него отдел в службе собственной безопасности.

– У него есть причины беспокоиться за свою жизнь. Значит, Натан Паттерсон мой главный оппонент, – согласился Андрей, вглядываясь в цветное фото человека лет пятидесяти, похожего на американского актера Джеймса Каана – тоже обладателя черного пояса по карате,

с волевым, целеустремленным лицом, на котором выделялись проницательные глаза. Да, человек с таким обликом был способен на провокации. В досье на него написано: *«...(он) использует испытанные приемы и старается не менять тактики, которая на протяжении ряда лет приносила ему успех»*.

Следующий снимок, на котором агент МИ-6 был изображен среди однотипных людей, одетых в деловые костюмы. На нем он походил на телохранителя, стоящего чуть впереди и сбоку от главы британской военной разведки.

Андрей перешел к досье на остальных членов отдела 037. Он владел кое-какой информацией, полученной из различных источников, однако эта охватывала в том числе и личные моменты каждого агента. Страница на Ахмед Джемалю, считавшегося правой рукой Паттерсона, хотя официальным его заместителем значился Шон Свитинг.

Большаков оставил Рахманова одного, мысленно восхищаясь его незаметной вроде бы работой: как губка, он впитывал в себя информацию. Ни одно слово, ни одна цифра не выветрятся у него из головы, был уверен полковник ГРУ.

Время перевалило за полдень, когда Рахманов закрыл крышку ноутбука и глянул на часы.

– Отвезешь меня в аэропорт?

– Пора уже?

– Да.

– Ты вылетаешь в Париж, если я правильно понял?

– Да. Меня там будет ждать абд-Аллах Хасан. Из Парижа мы с ним вылетим в Лондон. У него официальная миссия. В зале прилета «Хитроу» наши пути разойдутся.

Через два часа Андрей проходил паспортный контроль в «Шереметьево», предъявив заграничный паспорт гражданина Российской Федерации на имя Рушана Измайлова.

Глава 2

Предательство – вопрос времени

Лондон

Место, где сегодня раскинулся аэропорт «Хитроу», в плане авиации начало использоваться во время Первой мировой войны: в то время здесь находился военный аэродром. А еще раньше, в 30-е годы, аэродром носил название Большой Западный. По-настоящему, с размахом и перспективой «Хитроу» стал развиваться в 1943-1944 годах – тогда началось строительство взлетно-посадочных полос; деревня Heath Row, в честь которой и был назван аэропорт, была снесена во время строительства и находилась на месте нынешнего Терминала 3. На него, из Терминала 4, открытого в апреле 1986 года и соединенного с остальными терминалами грузовым тоннелем, смотрел агент МИ-5¹ Томас Муди. Точно зная время прилета рейса из Парижа, Муди тем не менее в нетерпении бросал взгляд на огромные наручные часы, больше походившие на анахронический секундомер.

Он услышал объявление по аэропорту о посадке самолета французской авиакомпании и поторопился к месту выдачи багажа – как будто опасался, что прилетевший из Парижа ливиец, которого он встречал с почестями (эскорт и наручники были частью его публичного признания), спрыгнет с самолета, не дожидаясь трапа.

Серый и длинный до полу плащ Муди был распахнут. Он то и дело запускал руку в карман брюк, тревожа полу пиджака, доставал из пачки орешек, бросал его в рот, тщательно пережевывал, глотал, вычищал своим фиолетовым с белым нездоровым налетом языком зубы, десны, полости под губами – так энергично и открыто, что его напарнику – тоже чернокожему по имени Дойл Эванс – казалось, что два языка Муди, большой и маленький, вот-вот встретятся и какой результат ждать от этой встречи, одному богу известно, возможно, будет взрыв. Вот Муди снова почистил языком рот, полез за очередным орешком, пошуршал в кармане вскрытым пакетом, скривился от того, что пальцы его застряли в пакете, и ему пришлось помогать себе другой рукой, расстегнув для удобства пиджак. «Люди же смотрят», – мысленно отсемафорил ему Эванс. Нет, ему безразлично. В следующий раз он может положить пакетик в задний карман брюк, и когда его пальцы опять застрянут там, он поможет себе другой рукой, пропустив ее между ног, – иначе как достанешь?

От картины, которую Дойл Эванс нарисовал перед мысленным взором, его разобрал смех, и он, замаскировав его под кашель, издал хрюкающий звук.

– Что с тобой такое? – не глядя на партнера, а устремив взгляд на прозрачные двери зала прилета, спросил Муди. – Ты прямо как свинья.

– Извини. Что-то попало не в то горло.

– У тебя два горла? – удивился Муди, вычищая языком небо. – С ума сойти. Поэтому ты такой жирный. Имея два горла, надо запастись двумя задницами.

– С этим не поспоришь.

Эванс не так давно стал напарником Муди и еще не привык к его низкопробному юмору. Ладно бы разговор происходил в туалете вшивого автовокзала, – но они находились на территории ультрасовременного аэропорта, который обслуживал около сотни авиакомпаний и семьдесят миллионов пассажиров ежегодно, вблизи комнаты для молитв, где верующие всех религий и конфессий могли преклонить колена и обратиться к богу или священнику.

– Хочешь орешек?

– В следующий раз, может быть, – отказался Эванс.

¹ МИ-5 – государственное ведомство британской контрразведки; официальное название – Служба безопасности.

Муди выудил из кармана фотографию человека, снятого анфас, и сличил ее с первым пассажиром, прибывшим из столицы Франции; им оказался парень лет двадцати пяти.

– Не он.

Доил Эванс покачал головой: Муди валял дурака. Это означало, что он был на взводе.

– Снова не он. А вот это он.

Чернокожий контрразведчик помахал рукой, приветствуя человека лет пятидесяти.

Абд-Аллах Хасан, указав на себя пальцем и вопросительно округлив глаза, получил утвердительный ответ сжатыми знаками: «Да, мы встречаем вас».

Ливиец дождался своей сумки на транспортной ленте и бодрым шагом направился к встречающим.

– Здравствуйте, сэр! – приветствовал его Муди. – Разрешите ваш багаж?

– Да, спасибо. – Он передел сумку Эвансу, поздоровавшись с ним кивком. На мгновение поймал себя на странной мысли: нет никакой агрессии против его страны – все это дурной сон, его встречают представители МИД; странно немного то, что среди них нет представителей ливийского посольства в Лондоне.

Вышагивая рядом с энергичным Муди, абд-Аллах Хасан заметил:

– Вы так и не представились.

– Ах да, – досадливо покачал головой агент. – Меня зовут Томас Муди. Почему вы выбрали маршрут через Москву, доктор Хасан?

– А еще через Каир, черт бы его побрал! – внес полную ясность ливиец, выругавшись. – Вы из какого управления МИД?

– Вы ошиблись, дружище: я из контрразведки. И в мои обязанности входит защита национальной безопасности от скрыто организуемых угроз.

Абд-Аллах дернулся было в сторону, но громадный Муди крепко схватил его за руку.

– Спокойно, спокойно, дружище.

Андрей Рахманов остановился, опустил чемодан к ногам и посмотрел в спину товарища, которого уводили двое агентов в штатском. Абд-Аллаха Хасана арестовали, это было очевидно.

Видимо, он подавал младшему товарищу сигналы, напрягая голосовые связки:

– Это провокация! Вы за это ответите!

Андрей горько усмехнулся, не услышав еще одной банальной вещи: «Я подданный Ливии!»

* * *

Допрос полковника абд-Аллаха проходил в штаб-квартире МИ-5. Ливиец не предполагал, что в первую очередь от него потребуют разъяснений по делу Локерби.

– Я считал, точка в этом деле поставлена, – ответил он.

– Не торопитесь. – Генеральный директор МИ-5 Флинн Догерти, находящийся в ранге Постоянного секретаря, однако не входящий в правительство, чуть склонился к чувствительному микрофону и нажал на его подставке кнопку селекторной связи с приемной: – Дело Локерби, пожалуйста. И досье на полковника абд-Аллаха Хасана.

Не прошло и минуты, как секретарь в сером офисном костюме, походившая на строгую стюардессу, раздала участникам этого совещания папки. В них находилась сжатая информация многотомного дела Локерби. И хотя каждый из участников совещания был знаком даже с деталями этого дела, директор придерживался протокола и первым открыл папку. Его примеру последовал его непосредственный начальник – министр иностранных дел, оказавшийся на этом совещании в тени своего подчиненного, и Трой Морган Смит, директор МИ-6, занявший за столом крайнее место. Он в первую очередь открыл досье на абд-Аллаха Хасана, руководителя ливийских батальонов безопасности (Kataeb al Amn), наделенных функцией по под-

держанию порядка. «Батальоны расположены во всех крупных городах Ливии, – читал он. – С 1995 года абд-Аллах Хасан также возглавляет комитет по вооружениям». «Этот комитет раньше отвечал за военную разведку, – отметил про себя Трой Смит, – а военной разведкой Ливии руководил «извечный соперник» абд-Аллаха Хасана, полковник Хуаилди Хумаиди».

– Дело Локерби... – Изумлению ливийца не было предела. – Вы пытаетесь обвинить меня в теракте, которого я не совершал?!

– Вскрылись новые детали по этому делу.

– Но я здесь с другой миссией. И она заключается в том, чтобы остановить кровопролитие в моей стране.

– Почему именно вас, командующего батальонами безопасности, выбрали для этой миссии? И выбор сделал полковник Каддафи, я правильно вас понял? – спросил Флинн Догерти.

– Вы все схватываете на лету!.. Простите мне мою горячность. Но вы должны меня понять. – И, вместо того чтобы успокоиться, абд-Аллах вспылал еще больше: – Вот так вы поступаете с миротворцем?

– Значит, вы из тех, кто кормит крокодила в надежде, что он съест их последними? – парировал Флинн Догерти. – Мы оперируем фактами обстоятельства, а оно таково: в 1987–1988 годах вы были тесно связаны с исполнителями теракта, именно вы отдали приказ...

– Вы с ума сошли!

– Кстати, вы озабочены безопасностью вашей семьи?

– Что за глупый вопрос!

– Тем не менее вам придется ответить на него. А нам – констатировать перед прессой о том, что ваш допрос, господин полковник, ведется в мягкой форме – это вне зависимости от накала страстей в этой комнате.

– Да, я озабочен безопасностью своей семьи, – вынужден был ответить абд-Аллах, схватившись за горло и ощутив, как душно стало здесь, как будто невидимые компрессоры высосали весь воздух. Ему пришлось добавить: – А что?..

– Вы еще не знаете, господин полковник, что вчера вечером разведывательный отряд повстанцев захватил вашу жену. Из Триполи ее доставили в Бенгази.

«Так быстро», – пронеслось в голове абд-Аллаха.

– На боевом вертолете британских ВМС, – прочитал его мысли Догерти. – Сейчас она в лагере мятежников. А они сейчас немножко не в себе: позавчера, 2 апреля, силы нашей коалиции нанесли ошибочный авиаудар по мятежникам, результат – десять погибших.

– Прекратите! – снова взорвался Хасан. – Зачем вы меня арестовали? Вам нужен новый козел отпущения по делу Локерби? Или вам нужна новая задница, воняющая в сторону Каддафи? Вам нужен предатель? Вам нужен шеф ливийской спецслужбы, о котором можно объявить миру: «Глава батальонов безопасности абд-Аллах Хасан, работающий как двойной агент МИ-5 и ЦРУ, сбежал в Великобританию»? И добавить детали: «Накануне интервенции в Ливию он встречался с шефом МИ-6, сэром Троем Смитом, согласился на то, чтобы в Триполи работал британский агент военной разведки, обещал помочь в деятельности «Аль-Каиды» в регионе...»

С этими словами полковник устремил испепеляющий взгляд на директора МИ-6 и вытянул в его сторону руку:

– Тебе не жить! Ты еще больший труп, чем я. И лучше бы тебе не слышать этих слов.

– Успокойтесь, – действительно в мягкой форме попросил председательствующий Флинн Догерти. – Вы арестованы по делу, которое косвенно проходит по делу Локерби. Мы намерены предъявить вам обвинения в поставках оружия для ИРА.

– От перестановки мест слагаемых сумма не меняется. Вы по-прежнему хотите повесить на меня обвинения в терроризме, пусть даже не исламском. Вы вдруг всполошились: на этого

полковника, прибывшего в вашу страну с миротворческой миссией, можно повесить даже преступления, совершенные вашей же католической Ирландской республиканской армией.

– Значит, вы знаете, о чем идет речь?

– Да, вы говорите о военизированной ирландской группировке, целью которой является достижение полной независимости Северной Ирландии от Соединенного Королевства и воссоединение Ольстера с Республикой Ирландией, – отчеканил, как будто прочитал текст с листа, полковник. – Вы говорите о преступной группировке, с которой не можете справиться на протяжении многих и многих лет. Вы считаете Ливию основным поставщиком оружия и финансирования ИРА, но напрочь забыли о том, что поставками оружия в Ольстер занимались СССР, США, современная Эстония. Вы нашли способ свалить вашу проблему на одного человека, пусть даже на отдельную спецслужбу...

– Что в целом говорит об отдельном государстве, – с легкой улыбкой добавил Флинн Догерти. – Что и требовалось доказать.

– Жаль, – скрипнул зубами абд-Аллах, – что не тебя, а тебя, – он снова впери́л взгляд в директора МИ-6, – приказал убрать Каддафи. – Тут он сник, бросив под нос едва слышно: – Ну вот и все.

В этой комнате установилась тишина.

* * *

По распоряжению Флинна Догерти абд-Аллаха Хасана перевели в комнату для допросов, соседствующую с такой же по размеру комнатой для прослушивания. В первой за ливийца тут же взялся Томас Муди, во второй устроились за столом два человека: Трой Смит и агент службы собственной безопасности МИ-6 Натан Паттерсон. Шеф контрразведки предпочел просмотреть протокол допроса, сославшись на занятость. И вообще, массивное давление на ливийского полковника закончилось.

Допрос в этой специально оборудованной комнате продолжался уже полчаса. За это время абд-Аллах успел сообщить Томасу Муди фамилию и должность человека, с которым он вместе совершил перелет из Москвы в Париж, оттуда – в Лондон, а сейчас отрешенным голосом описывал его внешность:

– Голова правильной формы. Лоб кажется очень высоким из-за крутой залысины. Остатки волос на голове тщательно ухожены. Брови черные, глаза карие. Типичная *интервнешность*.

– Интервнешность? – переспросил Муди.

– Да.

– Объясните, что это значит?

– Вы и сами прекрасно это знаете. К примеру, в Палестине или Израиле человек с описанной мною внешностью сойдет за своего. Это в равной степени относится и к Европе, «разбавленной» выходцами из восточных, азиатских, африканских стран, и к США. Так что в плане расового признака барьер под названием «чисто исламский терроризм и экстремизм» уже по всему свету стал непреодолимым. Если принять это смешение рас и национальностей за долгосрочную перспективу международного терроризма, то он со своей задачей справился больше чем наполовину.

– Весь мир в дерьме, – индифферентно заметил Муди и отчего-то скосил глаза на Дойла Эванса.

– Не весь, – не согласился ливиец. – Остались еще приятные исключения. Например, Япония и обе Кореи, где интервнешность бросается в глаза. «То, что видишь изо дня в день, не вызывает подозрений».

– Глубокая мысль.

– Так сказано в одной из тридцати шести стратагем. В той связи можно привести слова Каддафи: «Есть знаки, что Аллах дарует мусульманам победу в Европе – без мечей, без оружия и без завоеваний». Он сказал это и мне, и ар-Рахману перед нашим отъездом. Во всяком случае, я слышал это из уст самого полковника. Ар-Рахман поделился своими воспоминаниями, когда мы летели в Каир.

– У ар-Рахмана, насколько я понял, есть свой стиль.

– Стиль? – полковник Хасан пожал плечами. – Даже не знаю. Ответьте – есть ли стиль у хамелеона?.. В деловом костюме и с кейсом ар-Рахман – преуспевающий бизнесмен; на пороге учебного заведения – преподаватель; у дверей дипломатического ведомства – должностное лицо этого учреждения. В гольф-клубе он – гольфист. В военной форме – потомственный военный. В яркой одежде и с коктейлем в руке – завсегдатай ночного бара. У него сотни лиц. И у вас не будет повода усомниться в толпе, с которой он сольется. Он и есть толпа, представитель этой безликой массы. Можно сказать и по-другому: в толпе он выражает собой случайную связь с ней, и внутренне, конечно же, он организован. И если выявить эту связь, его лицо в толпе обязательно проявится.

– Вы говорите как психолог.

– Только по одной причине: ар-Рахман сам является психологом, и вы это почувствуете на своей шкуре... – Абд-Аллах остановился. – Чего ради я вам помогаю?

– Вы забыли, – усмехнулся Муди, – что спасаете свою жену.

– Которую на вертолете ВМС Британии переправили в лагерь мятежников, – вздохнул ливиец, отвечая Муди горькой усмешкой. – Их ряды стали менее плотными, поскольку силы коалиции нанесли удар по своим. И на моей жене, конечно же, отыграются.

– Скажем, им не терпится сделать это, – уклонился от прямого ответа Муди. – Вы остановились на том, что в толпе ар-Рахман выражает собой случайную связь с ней, и если выявить эту связь...

– Да, его лицо в толпе обязательно проявится, – продолжил эту мысль Хасан. – То есть мы подошли к тому, что у ар-Рахмана ярко выражено защитное приспособление сливаться с той или иной людской средой, сливаться с обстановкой. В биологии это называется мимикрией. И ему необязательно владеть какими-то особыми средствами маскировки. Усы, парик, очки, цветные контактные линзы – даже один из перечисленных мною предметов грима сделает его еще более неузнаваемым.

– Перечисленные вами предметы грима ар-Рахман привез с собой?

– Насколько я знаю – да. Он в считанные секунды может изменить внешность.

– Оружие?

– Как он мог пронести на борт самолета оружие? – Хасан покачал головой. – Оружием и всем необходимым для работы ар-Рахмана здесь снабдят преданные или купленные им члены террористических, националистических группировок. Он – ответственный за связи с ними, – напомнил абд-Аллах.

– Продолжайте, пожалуйста. Ар-Рахман выполнит приказ Каддафи?

– В этом не сомневайтесь.

– Чего бы то ни стоило?

– Нет.

– Нет? Вот как?

– Он живет на земле и в облаках не витает. Действительность – вот чем он живет. Рационализм – вот чем он руководствуется.

– То есть он относится к жизни без эмоций?

– А тем более к работе, – подтвердил абд-Аллах. – Разумность: все его действия основаны на логике, и каждый поступок – это ступень на пути к цели, конечному результату. Он отличный психолог.

– Вы об этом уже говорили. Под каким именем он прилетел в Лондон?

– Помнится, я отвечал на этот вопрос в самом начале беседы.

– Ответьте, пожалуйста.

– Под именем Рушана Измайлова, гражданина России. У него несколько заграничных паспортов, и ни один из них не вызовет сомнений у пограничников и полицейских Франции, Швейцарии, Норвегии, Великобритании, Соединенных Штатов Америки. Он – человек-невидимка, и его могут выдать только оставленные им следы. Позвольте мне еще раз попробовать связаться с моей женой.

– По техническим причинам сделать это сейчас невозможно. Когда связь будет налажена, мы сообщим вам.

Неизвестность. С ее помощью даже из самого стойкого человека можно вить веревки.

– Давайте сделаем перерыв, – предложил абд-Аллах. – Я устал.

Томас Муди не был бы собой, если бы не оставил инициативы за собой. Вставая и застегивая пиджак, он посмотрел ливийцу прямо в глаза:

– Сегодня ар-Рахман смеется над нами. Мы ляжем спать, утром встанем и возьмем его – и смеяться будем уже мы.

* * *

Трой Морган Смит молчал. И неизвестно, сколько длилась бы эта пауза, если бы ее не нарушил Натан Паттерсон, за много лет совместной работы изучивший своего начальника, как самого себя. Собственно, Смит ждал этого шага от своего надежного и исполнительного сотрудника.

– Это серьезно, шеф.

Смит быстро кивнул, бросив мимолетный взгляд на начальника отдела 037, и выбил пальцами на поверхности стола... длинное слово или короткую фразу – как если бы его рука лежала на клавиатуре пишущей машинки. Возможно, этим словом был ответ Каддафи на его предупреждение: «Берегитесь!»

– Да, я понимаю, что это серьезно.

Трой Смит сидел вполборота к собеседнику, как будто увидел в нем художника и позировал ему, и взгляд его был устремлен в мрачное будущее – хотя новости, которые ему принес никудышный ливийский гонец, окрыляли до степени жизнелюба и открывали стремление побить последний рекорд долгожителя: жить хотелось как никогда раньше. Пусть не полнее, но обязательно дольше. Паттерсон не сдержал едва заметной улыбки. Однако движение его полных губ не ускользнуло от внимания директора МИ-6.

– Чему ты улыбаешься?

– Радуюсь, что не я оказался на вашем месте, шеф.

– Ну?

«Что ну?»

Может быть, Трой Смит знает решение проблемы, свалившейся на его голову коротким предостережением «Берегитесь!» – но ждет, когда инициативу проявит его подчиненный? Почему так, а не иначе? Ну зачем же держать собаку и лаять самому? Немного подумав, Натан Паттерсон не нашел в этой английской поговорке сходства с выжидающей тактикой директора, а поначалу ему показалось, он попал в цель. Нет, причина не в природной или какой-либо другой скромности директора «Сикрет сервис». Скромность у него, конечно, есть, но она ложная, и употреблять ее Смит не решался, как не стал бы есть поганку. Отчасти он уходил от ответственности: не он нашел решение проблемы своей безопасности, а лишь одобрил идею подчиненного. Трой Смит считался мастером провокаций, а Паттерсон проявил себя его верным последователем и нередко примеривал на себя звучное определение «адепт», и оно ему

было к лицу. Именно такому тандему Смит – Паттерсон удалось в 2004 году предотвратить покушение на премьер-министра Великобритании... *путем серии терактов, инициированных сотрудниками спецотдела 037*. Тогда эти жесткие меры (в общей сложности погибли тридцать человек и более ста получили ранения) сработали: преступники, которых обвинили в чудовищном преступлении и которого они не совершали, отступили на позиции, уготовленные им военной разведкой; впоследствии они были уничтожены.

Натан Паттерсон напомнил об этом инциденте Смиты – когда они возвратились в штаб-квартиру «Сикрет сервис» и продолжили беседу в кабинете Троя. Директор повел бровью и промолчал. Паттерсон продолжил наступление, как будто на кону стояла его, а не шефа военной разведки жизнь:

– Нельзя отказываться от тактики, которая приносит выигрыш. И этот метод, шеф, как вы знаете, наименее затратный и нетрудоемкий, требует меньше человеческих ресурсов: основа спецоперации распространится на сотрудников только моего отдела. Полиция, спецподразделения, армия – они будут крепко сидеть на крючке провокации, уверенные в том, что теракты – дело рук ливийского террориста.

– Не знаю, не знаю. – Трой Смит снова что-то напечатал на виртуальной машинке. – Все это ответственно и рискованно. На кону стоит жизнь не премьера, а всего лишь маленького чиновника. – Он раздвинул пальцы, показывая свой рост. – Но я слушаю, я слушаю тебя.

По распоряжению Троя Смита секретарь принесла досье на Салеха ар-Рахмана, из которого директор узнал следующее. Его противнику тридцать семь лет. Родился 11 апреля 1974 года. В 25 лет (в 1999 году) он становится военным советником в российском посольстве в Ливии. Через два года – в 2001 году – принимает решение принять ливийское гражданство; будучи мусульманином (отец ливийского происхождения, мать – русская), он получает имя ар-Рахман («милостивый»). В том же году становится членом ливийского элитного полувоенного подразделения «Революционная гвардия». Первый год служил надзирателем за личным составом батальона ПВО... (Трой пробежал глазами справку о численности «Революционной гвардии» – около трех тысяч человек, подобранных из племенных групп муниципалитета Сурт; Рахманов – исключение из правил.) В декабре 2002 года, когда военную разведку Ливии возглавил Абдалла Санусси, Рахманов возглавляет один из оперативных отделов. Еще через два года он становится членом Мафаба – это «Антиимпериалистический центр», используемый для поддержки террористов, – и становится правой рукой абд-Аллаха Хасана.

– Кто такой этот Салех ар-Рахман? – задал вопрос Паттерсон и сам же ответил на него: – Он террорист. Его должность при полковнике Каддафи – ответственный за связи с террористическими организациями за пределами Ливии. В его руках нити, ведущие в недра террористических группировок, и, какую из них он дернет и в какой день и час это случится, предугадать невозможно.

– Хочу напомнить, Натан, что наша задача...

– Да, – перебил начальника Паттерсон, – согласен: мы не призваны угадывать. Под этим определением я имел в виду аналитическую прежде всего и оперативную работу. Как сказал русский классик... Антон Чехов, кажется: «Если в начале пьесы на стене висит ружье, то в конце оно должно выстрелить».

– Почему ты привел цитату русского классика?

Скрытая часть вопроса оказалась на виду: «У нас что, своих классиков мало?»

Паттерсон ответил на этот вопрос, стоя на своем:

– Кто-то из наших продвинутых современников перефразировал Чехова: «Если в фильме Френсиса Форда Coppoly на стене висит ружье, то с его помощью кому-то сделают предложение, от которого тот не в силах будет отказаться».

– Вернись, пожалуйста, к теме.

– Охотно. Рахманов – ливиец только по происхождению. В его жилах течет кровь бедуина, но мозги у него – советской сборки. «Сделано в ГРУ», если хотите.

– «Сделано в ГРУ»?

– Да. Причем штамп этот стоит на всех частях его тела. Рахманов отличный стрелок, отменный подрывник, рукопашному бою он обучался...

– Довольно, Натан. – Директор дополнил свою просьбу нетерпеливым жестом руки, а дальше он закрыл досье на Рахманова. – Бери это дело в свои руки. Я сумею убедить шефа МИ-5. Но не сразу, чтобы не вызвать у него подозрений.

– Больше всего расстроится Томас Муди. Он похож на медведя и не потерпит, чтобы у него из рук выхватили кусок мяса.

Директор хмыкнул, нарисовав перед собой образ чернокожего, затем наложил на него образ другого, его напарника, и высказал интересную мысль:

– Два черных не создадут одного белого.

– Это точно, шеф, – поддержал его Паттерсон, мысленно вставая на защиту Муди: «Черная курица несет белое яичко».

– Но хватит об этом. Я обставлю дело так, что Догерти сам отдаст это дело нам.

– Это я и хотел от вас услышать, шеф.

– Действуй на свое усмотрение, Натан. Но запомни одну вещь: в случае провала ко дну пойдут два человека: ты и я.

«Легко ли он сдался?» – думал Паттерсон по пути к своему офису. Пожалуй, скорость принятия решения говорила в пользу директора, которого Натан отнес к разведчикам-тяжеловесам: запоздаешь с реакцией – пропустишь тяжелейший удар.

Едва он перешагнул порог своего кабинета, его секретарь по имени Софи протянула ему трубку, свободной рукой показывая вверх.

– Да? – ответил Натан на звонок Смита.

– Тебе не мешало бы навестить Стивена Макгрегора.

– Слушаюсь, шеф. Я сам думал об этом.

Можно ли связать новое дело с новым действующим лицом – Андреем Рахмановым и старое – с настырным фигурантом в ранге потерпевшего? Пожалуй, эти дела связывала методика и пресловутый ливийский след.

А пока же Паттерсон посчитал необходимым вернуться к допросу абд-Аллаха Хасана. Зная напористый характер Томаса Муди, он был уверен: чернокожий контрразведчик еще долго не слезет с ливийского полковника. Поначалу он прикинулся добряком, дальше наверняка сменит образ, представ в «облике зверя». И Натан оказался прав. Он это понял, когда пришел, совсем немного опоздав на очередной допрос. Вопросы звучали все более резко и настойчиво:

– Кто из ваших подчиненных чаще всего контактировал с ар-Рахманом? Кто его непосредственный куратор? Кто отдавал ему приказы? Назовите его контакты за границей!

Полковник Хасан не успел восстановиться во время двухчасового перерыва. Нет, он устал не отвечать на вопросы, он устал выслушивать их. Он едва терпел этот срывающийся на крик голос; человек, которому он принадлежал, олицетворял собой никудышного руководителя. И с подчиненными он также груб и несдержан, был уверен абд-Аллах. Насколько помнил он, сам он ни разу не повысил голос на так или иначе зависимых от него людей. Бывало так, что на него кричали, но он – никогда. И он в таких случаях отвечал: «Вы или смените тон, или уходите». Иногда уходил сам – в зависимости от ситуации.

– Ар-Рахман Салех – какой он человек? Что он собой представляет? Чем руководствуется в работе, быту? Черт возьми! – искренне не сдержался Муди. – По вашей вине мы упустим контроль над ситуацией.

Томас Муди выразился туманно, адресуя очередную вспышку гнева своему более младшему коллеге, обладателю широкого диапазона взглядов, способных разжалобить и напугать. Однако абд-Аллах без труда понял, что имел в виду агент МИ-5. Его служба не смогла по достоинству оценить значимость «Антиимпериалистического центра» (чаще в употреблении спецслужб – «А-центр»), посчитав его шумным балаганом под крикливой вывеской. Может быть, даже ливийским пугалом. Предназначение «А-центра» – связь с террористическими организациями. Самая мощная и непримиримая, непобедимая – это, по оценкам большинства специалистов, «Аль-Каида». Но полковник Каддафи при каждом удобном случае не устает повторять: «Аль-Каида» – враг Ливийской Джамахирии, ее лазутчики пытаются разжечь костер междоусобной войны в Ливии и сделать из нее второй Афганистан». В искренности Каддафи не смогла бы усомниться даже госсекретарь США, которая в каждом мужчине видела потенциального изменника. Так что в этом плане «А-центр» казался ущербным. Что он представляет собой? Шахматную позицию: у белых все фигуры на доске, у черных нет главной атакующей – ферзя. И если продолжать в этом шахматном ключе, то фигуры у черных расставлены на доске так, как это выгодно белой стороне. Ливия не только признала себя виновной по меньшей мере в двух террористических актах и заплатила за них немалую цену, превысившую три миллиарда долларов. «Ливийский тигр усмирен» – с такими броскими заголовками выходили газеты. Причем усмирен настолько, что дверь в его клетку открывалась безбоязненно теми же Штатами. США и большинство европейских стран сняли свои рамки-запреты, и Ливия все же стала полноправным членом международного сообщества. Но нет-нет да и звучали с трибуны «одноглазой и однорукой» ООН презрительные слова: Ливия – изгой. По большей части это относилось к полковнику Каддафи, но отвергнутым остальным мировым сообществом считался весь ливийский народ. Каддафи и был клеймом своего народа.

Вот этот несдержанный агент МИ-5 мог ответить прямо на прямой вопрос абд-Аллаха: «Вы планируете покушение на «ливийского льва»?» Да, и это секретом уже не являлось: что знают двое, то знает и свинья. Заявление Троя Смита («Уходите, или мы вас уберем») не сходили со страниц Интернета.

Абд-Аллах ответил на пространный и технически неграмотно построенный вопрос: «Что может этот ар-Рахман, ваш террорист?»

– А на что вообще способен один террорист – «ваш» или «наш», неважно, зовут его «по-нашему» – ар-Рахман или Томас Мерфи² – это «по-вашему»? Если он в метро и у него под одеждой спрятан пояс смертника, он может забрать с собой на тот свет два или три десятка жизней. Если он в кабине пилотов «Боинга» и у него в руке пистолет, то счет пойдет на сотни, а то и на тысячи. Но ар-Рахман – не смертник. Он кукловод, если хотите. Он способен организовать пять, десять терактов.

– Как часто вы контактировали с ар-Рахманом?

– Нечасто. Скорее – редко. И одна из причин – это его многочисленные командировки. По сути, он жил за границей, а отчитывался о проделанной работе в Ливии и лично полковнику Каддафи. Цель его непрекращающихся служебных заданий – усиление контактов с террористическими организациями, их финансирование. Вы обвиняете меня по делу, которое было похоронено и засыпано деньгами. Вы натаскиваете своих граждан на ожидания: когда упадет на землю очередной самолет, а СМИ опубликуют список жертв. Вот тогда-то и начнется самое интересное: глаза вашего прогнившего общества начнут с надеждой на легкие деньги выискивать в списках имена своих близких: «А вдруг?..» И еще раз: «А вдруг... сумма выплат родственникам жертв теракта будет сопоставима с той, что выплатили локербийцам?»

– Замолчите!

² Томас Мерфи – теневой лидер Ирландской республиканской армии (ИРА).

– Нет! Вы задали мне вопрос, я на него отвечаю. Если вы заткнете мне рот сейчас, вы не услышите от меня ни слова!

– Хорошо, продолжайте.

Абд-Аллах продолжил:

– И не дай бог... – Он повторил: – И не дай бог, если трагедия обернется подачкой – как французишкам: полковник Каддафи швырнул им в лицо триста миллионов долларов. Он завел лягушатников, как механических кукол, и они взвыли: «Мало! Мы хотим больше!» Ваше европейское общество пристрастилось зарабатывать на смертях. Вы страстно, до кровавого поноса жаждете компенсаций и молитесь на то, чтобы на борту самолета, куда поднялся ваш близкий, оказался террорист-смертник. «А вдруг?» И это ваша политика. Вы потеряли нравственность. Дайте денег! Родной мне человек погиб – дайте! Я же теперь, после его гибели, хочу жить в новом доме и наслаждаться комфортом и скоростью нового авто. Ему уже ничего не надо, а мне еще нужно воспитать ребенка. Да, да, самое время приступить к его воспитанию, до трагедии было недосуг... – Абд-Аллах махнул рукой. – Это аморально.

– Помощь аморальна?

– Помощь помощи рознь.

– Вас трудно понять.

– А вас – вообще невозможно. Я толкую вам о вашей гнилой политике, о вашей гнилой демократии. Одну секунду, я закончу. Вы своим собственным судом признали мою страну виновной в теракте над Локерби, назначали цену: признание в преступлении и откупные. А потом наступила «эпоха» плодотворного сотрудничества, саммиты, дружеские – они же лицемерные – рукопожатия, братания. То есть вы приняли от убийцы его кровавые деньги, взяли с него слово так больше не делать и приняли в свою компанию.

– Так вопрос не ставят. Здесь нет аналогии.

– И вы знаете почему. Потому что в деле Локерби нет ливийского следа. Вы арестовали меня потому, что я один из немногих, кто знает истину: сотрудники вашей военной разведки взорвали самолет и, подтасовав факты, стали шантажировать Муаммара Каддафи. У полковника не было выбора: страна задыхалась без торговли. Это все равно что иметь цистерну нефти и ничего более. Нефтяные продукты в пищу не идут.

Ливиец абд-Аллах Хасан был одним из немногих, кто действительно знал истинную причину трагедии в небе над Локерби. Шотландец Стивен Макгрегор был одним из немногих, кто хотел узнать правду. В таком ключе рассуждал Натан Паттерсон по пути в Локерби – городишко с населением четыре тысячи человек, на его взгляд, прославившийся в первую очередь тем, что на его жилой квартал обрушились горящие обломки «Боинга».

Паттерсон не пропустил ни слова из допроса абд-Аллаха, находясь в соседнем кабинете; он через прозрачное с одной стороны зеркало смотрел на арестованного и морщился от несдержанности чернокожего коллеги, не замечая притворства в его перевоплощении. Ровно до тех пор, пока его не насторожил общий ответ абд-Аллаха: «А на что вообще способен один террорист – «ваш» или «наш», неважно?..» И в голове Паттерсона начал в деталях, а не в общем вырисовываться план под рабочим, созвучным с фильмом Стивена Спилберга названием: «Спасти генерала Смита».

Глава 3

Дом Макгрегоров

Локерби, Шотландия

Стивен Макгрегор возглавлял так называемую инициативную группу родственников погибших 21 декабря 1988-го над Локерби. Позицию, которую заняла горстка этих людей (причем с первых дней следствия), заключалась в опровержении официальной версии трагедии, шитой белыми нитками. «Макгрегор и компания» представляли собой яркий след в обвинительной речи полковника абд-Аллаха: одни из немногих, отказавшиеся принять денежную компенсацию за смерть близких. И в этом плане недоумение абд-Аллаха, полагающего, что дело Локерби закрыто, было неуместно.

Стивену Макгрегору в январе этого года исполнилось 64. Крепкий, высокий, полный сил мужчина. «Не скажешь, что он относится к разряду правдолюбцев», – подумал о нем Натан Паттерсон. В этой связи он вспомнил афоризм британской писательницы Дианы Сеттерфилд, которую считал классиком современной литературы, а в плане повествования – непревзойденным мастером:

«Люди, неспособные наполнить свою жизнь здоровой любовью к деньгам, обычно страдают патологической тягой к таким вещам, как правда, честность и справедливость».

Паттерсон согнал усмешку с лица и подошел к невысокому забору.

– Мистер Макгрегор? Здравствуйте, сэр! – поприветствовал он хозяина дома.

– Добрый день, – отозвался мужчина. Прислонив лопату к стене сарая, он, на ходу снимая рукавицы, подошел к калитке и открыл ее. – Проходите. Только не говорите, что вы что-то продаете.

– Ну зачем вы так? Вы же знаете, кто я. Два года тому назад мы встречались здесь же. Нет, я не приму ссылку на плохую память.

– Да, моя память не дает сбоев с того самого дня. – Хозяин дома невольно посмотрел в небо...

Эта трагическая история Макгрегоров была уникальной; главе семьи – Стивену предлагали бешеные деньги за книгу или сценарий, основанный на реальных событиях. Старшая дочь Макгрегора летела тем злополучным рейсом из аэропорта «Хитроу», а нашла свою смерть неподалеку от своего дома, откуда накануне отправилась с подругами в невозвратное путешествие.

Макгрегор и в этот раз проявил недюжинное хладнокровие и упорство, отвечая агенту МИ-6.

– Нет, я не изменил своего решения и твердо стою на своей позиции. И никто из нашей группы. Я понимаю вашу тактику, которая сводится к одному: расшатать нас по одиночке и развалить. Сдастся один, за ним – другой... Хотите чаю?

– Не откажусь. Я вижу удобный столик напротив сарая.

– Располагайтесь, я скоро вернусь.

Натану Паттерсону всегда импонировали сильные личности – вроде этого Макгрегора, чью шотландскую фамилию носили национальный герой Шотландии Роб Рой, художник-импрессионист по имени Уильям, начальник разведки индо-британской армии Чарльз, шотландский футболист Аллан и другие. От таких людей, представляющих собой целую систему устойчивых черт (а в случае Стивена Макгрегора – как члена оппозиционной группировки), не дождешься бранного слова, разговора на повышенных тонах. В чем кроется причина его железной самодисциплины? Паттерсон припомнил своего коллегу из контрразведки, который, допрашивая абд-Аллаха, периодически срывался на крик.

Макгрегор принес чай, домашнее печенье, бросил недвусмысленный взгляд на припаркованный неподалеку «Лексус».

– Ваша машина?

– Что вы!

Паттерсон прилетел в Карлайл (город на севере Англии) на самолете, а до Локерби (юг Шотландии) его довезли на служебной машине, благо расстояние между городами составляло не больше пятидесяти километров.

Давая чаю остыть, Натан Паттерсон приступил к делу. Он щелкнул замками темно-коричневого кейса и вынул несколько фотографий. Сопровождая свои действия комментариями, одну за другой передал их Стивену.

– Прекрасный дом, правда? Фасад как у замка, даже имя собственное имеет. Настоящий английский сад. Гараж, отличная машина. Вот еще одна машина – снимок сделан в гараже, семейный мини-вэн. На этом снимке – офис частной компании. Престижная машина на личной парковке. Солидные клиенты, солидный доход. Следующий снимок...

Паттерсон отдал должное Стивену Макгрегору – тот не стал отнекиваться: «Видел я эти снимки, знаю я этих людей». Он, нацепив очки, рассматривал их будто впервые и бросал под нос: «Вот это да! Здорово! Вот это офис! Я всегда обращал внимание на такие ограждения – они обозначают границы парковки, габариты машины, верно? Не простые линии на асфальте, а столбики со светоотражающими полосами».

Любой другой на месте Паттерсона оскорбился бы, посчитав, что собеседник над ним тихо издевается.

– Я видел этот офис, заходил внутрь: просторный холл, охрана и все такое прочее...

«Значит, он тихо издевался», – пришел к выводу Паттерсон.

– И десятки подобных контор не произвели на меня впечатления. Владельцы этих контор и домов – всего их больше двухсот – променяли духовные ценности на материальные выгоды. Они заключили сделку прежде всего со своей совестью.

«Неплохо было бы записать этот монолог и наложить его на горячее выступление абд-Аллаха – получится отличное стереозвучание», – подумал Паттерсон. И здесь ему без фразы английской писательницы пришлось бы непросто. Он процитировал ее.

– «Тринадцатая сказка», – тотчас назвал произведение Макгрегор. – Я читал эту сказку для взрослых.

– Послушайте, Стивен, какого черта вам надо? В швейцарском банке на счете, открытом на ваше имя, скопилась порядочная сумма. Четыре миллиона вам перевели после снятия санкций ООН против Ливии, еще столько же – после отмены американского запрета, остальные два миллиона – после исключения Ливии из черного списка Соединенных Штатов. Правительство тщательно оберегало именно ваши деньги, их не коснулась инфляция и не задел мировой экономический кризис, ставка по процентам оставалась неизменной. На вашем счету, Стивен, восемьдесят миллионов долларов! Это же джекпот!

– Вам очень нужно, чтобы я взял деньги?

– Да.

– И тем самым подтвердил ливийскую версию в деле Локерби?

– Мы не любим незаконченных дел. Не опоздайте, Стивен: скоро с Каддафи будет покончено. Вам просто некого будет выгораживать.

«Господи, что я несусь!» – подумал Паттерсон.

Макгрегор вернул фотографии гостю и покачал головой:

– Просто-напросто вы хотите купить мою совесть. Но она не продается. Тот ливиец, которого приговорили к пожизненному заключению в тюрьме, но год тому назад выпустили, невиновен. И вы, и я равны в том, что знаем правду: теракт на борту «Боинга» – дело рук спецслужб Соединенных Штатов и Великобритании. Подставив ливийцев, они фактически просунули

нож между створками жемчужницы. Спасая страну, ослабленную международными запретами на торговлю, Каддафи подписал ряд соглашений. Посеяв в Ливии зерна демократии тогда, вы собираете урожай сейчас. Только слепой не может заметить здесь четкого плана. Вы принесли в жертву двести семьдесят человек, а от меня хотите, чтобы я взял кровавые деньги?

«Интересно, догадывается он о том, что смотрит сейчас в глаза убийце своей дочери?.. Вряд ли, иначе снес бы мне голову остро отточенной лопатой», – пронеслась в голове Паттерсона мысль.

– Вы считаете себя честным человеком?

– Да.

– Возьмите то, что принадлежит вам по праву. Воспользуйтесь тем, чем пользуются по крайней мере двести пятьдесят человек.

– Ваш коллега в машине посматривает на часы. Вам пора, мистер Паттерсон.

– Но надолго я не прощаюсь. Возможно, мы увидимся через несколько дней.

Вряд ли они встретятся даже через несколько месяцев, однако Паттерсон таким образом надавил на шотландца, мысленно обзывая его болваном и несчастным кретином.

Он курил одну сигарету за другой. Стивен Макгрегор в этом деле стал камнем преткновения. Убрать его означало усугубить положение, всколыхнуть массы, плещущиеся вокруг него. Даже *по-настоящему* несчастный случай со Стивеном мог всколыхнуть общественность, не забывшую трагедии в шотландском городке. И в этом случае трудно будет сказать, чью сторону примут те, кто разбогател на локербийской трагедии.

Паттерсон не питал иллюзий относительно сегодняшней поездки в Шотландию. Не была она и запланированной, а, что ли, вытекающей из допроса абд-Аллаха Хасана.

Дорога в Лондон заняла немало времени, и Паттерсон постарался, чтобы ни одна драгоценная минута не пропала даром. Он набросал сценарный план грядущего мероприятия, в котором центральное место определил для своего подчиненного по имени Ахмед Джемаль. Не пройдет и суток, как Ахмед приступит к ответственной работе, чувствуя за спиной поддержку всего коллектива.

Глава 4

Методика преступления

Ахмед Джемаль обратил внимание на эту красивую, кареглазую, лет тридцати женщину в баре-ресторане на шумной части (неподалеку располагался железнодорожный вокзал) Бишоп Бридж-роуд. Она и ее подруга сидели за столиком, сервированным орешками и крекерами длинной формы, отлично впитывающими вино. Джемаль перехватил ее взгляд один раз, потом другой, чуть смущенно улыбнулся, словно сетовал на свое одиночество. И хотя две женщины сидели за одним столиком и, потягивая вино, вели неторопливую беседу, на лице каждой из них Джемаль различил печать пустого одиночества. И еще усталость таилась в выразительных глазах брюнетки. Да, может статься, она устала от этих пятничных вечеров в питейных заведениях, и пусть не всегда цель их – познакомиться с мужчиной и провести с ним ночь или весь уик-энд.

Если взглянуть в эту женщину внимательнее, то была заметна затасканность. Она не искала развлечений как таковых, она стремилась скрасить конец скучной и невероятно длинной недели. Джемаль оправдывал ее как перед собой, так и перед всевышним, как если бы отпускал ей грехи.

Их взгляды пересеклись в третий или четвертый раз, и Джемаль приподнял свой бокал, пригубил вино, и этот недвусмысленный жест расшифровывался просто: «За вас!» Он не торопил события, полагая, что не ошибается: женщина сама проявит инициативу. Мужчина, положивший на нее глаз, сидит в одиночестве, и она должна уравнивать шансы. Она втянулась в этот безмолвный флирт, который, конечно же, разжигал ее интерес и вовлекал в полет фантазий.

Официант с корпоративным бейджилом, идентифицирующим его как Йена Файфа, подошел к клиенту все с тем же вопросом: не против ли он соседа, – Ахмед Джемаль ответил в третий раз:

– Я жду.

Даже в этой любовной завязке ему важно было одержать победу. Он мог пойти на уступки официанту и дожидаться соседки, а мог указать кивком на эту тридцатилетнюю женщину, пригласив ее за свой столик, и она оказалась бы рядом через минуту или две. В мелочах агент британской военной разведки был шепетилен. И его очередное «нет» официанту также предназначалось объекту его внимания. Выходит, и эта женщина тоже одерживала свою победу.

Вот этот момент, которого дожидался Ахмед Джемаль: она чуть подалась вперед, отведя руку с дымящейся сигаретой в сторону, и что-то шепнула на ухо соседке. Не нужно обладать даром ясновидения, чтобы дословно узнать содержание фразы: она просила подругу уйти и, возможно, не оборачиваться – хотя бы в этот момент. Что же, сегодня повезло одной женщине. А другая, несмотря на запрет подруги, все-таки обернулась и одарила Джемаль продолжительным взглядом, просто изучая его и не вкладывая никаких эмоций. Затем она встала, сняла со спинки стула модную матерчатую сумочку.

Официант тут же оказался рядом. На его вопрос оставшаяся в одиночестве женщина ответила: «Я жду». Йен Файф выпрямился и развел руками: что такое сегодня творится?

«Контрольная» минута пролетела, как одно мгновение. Джемаль, одернув пиджак, подошел к столику.

– Разрешите составить вам компанию?

– Пожалуйста. Место не занято, – с некоторым нажимом и не без намека на окончившийся результативной ничьей безмолвный флирт ответила она. – Вы военный?

– А вы ясновидящая?

Они оба рассмеялись.

– Вы говорите как военный. Ваше «разрешите» вас выдало. Но одеваетесь вы как гражданский. Я знаю некоторых военных, которых стесняет штатская одежда.

– Ну, в общем, я ни рыба ни мясо. Я военный представитель на автозаводе в Солихалли. Скажу по секрету, что без моей резолюции завод не выпустит ни одного военного «Лендровера».

– И вас зовут...

– Рахман. Ар-Рахман означает «милостивый».

– Мари, – представилась женщина, не оставшись в долгу. – Это имя означает «отвергнутая». Мари Блант.

– Только не сегодня. – Агент МИ-6 продолжил, сделав официанту заказ. – Работа с людьми – мое призвание. Только иногда я чувствую усталость. И тогда ищу разрядки в таком, как это, заведении. Я не успел заметить, мило здесь или нет. Разве что обратил внимание на мальчика и девочку на сцене – на мой взгляд, они сильно недокормлены. Вы здесь впервые, Мари?

– Я была здесь несколько раз.

– Живете рядом?

Мари Блант улыбнулась, отвечая глазами: «Да».

Прошло всего полчаса, а они уже оказались в постели.

Джемаль разогрел Мари. Покусывания ее груди, видимая борьба за инициативу доставили женщине неповторимые минуты удовольствия. Он раскрепостил и завел ее настолько, что она, взяв его руку, сама показала, что ей больше всего хотелось бы... Мари отлично владела своим телом. Подняв ноги и прижав колени к своим плечам, голени она положила на плечи любовнику. Джемаль глубоко вошел в нее, а Мари, обхватив его спину ногами, надавливала на нее – стимулируя партнера и словно регулируя частоту его движений. «Еще!» – то шептала, то негромко выкрикивала она – но больше для себя. Джемаль был неутомим. Он не ограничился постелью и перенес Мари, прижимая к себе, на широкий стол. Она села и, снова обвив его спину ногами, приняла его ласки...

Два часа ночи. Мари лежит на кровати и смотрит, как одевается ее любовник. Сколько времени прошло с того момента, когда они, глядя в глаза друг другу, снимали свою одежду – торопливо, но без капли неистовства; они жили теми упоительными моментами, а не играли ими. Глаза в глаза. Боковое зрение цепляется за обнаженные участки тела и неоправданно торопит события: быстрее!

Он одевается... обстоятельно, не торопясь. Зная себе цену? Почему бы и нет? Но и она тоже знает, какая цена стоит на ее бирке.

Она встала, набросив на плечи халат, чтобы проводить его. И была уверена – навсегда. Если и жалела об этом, то немного. Она привыкла к прощаниям такого рода, которые сама же называла по-разному: то еженедельными, то ежемесячными, как повезет. И сама она не любила повторов, которые у нее лично ассоциировались с использованием – например, одних и тех же телодвижений, звуков и прочее. Да и само слово это – использование – отдавало публичностью. Если бы Мари попросили объяснить это, ей пришлось бы нелегко. Она мыслила больше образами, которые рождались в голове и никаких подписей и ссылок не требовали.

Она не стала целовать Джемаль, угадывая, что ему это не нужно. Взяв его за лацканы пиджака, сосредоточив взгляд на его подбородке, негромко произнесла:

– Все было просто замечательно, Рахман. Даже не знаю, что еще сказать. Ты...

– Ничего не говори, – перебил ее Ахмед Джемаль. И добавил: – Сейчас. Прибереги слова до завтра.

– До завтра? – Мари не верила своим ушам. Он сказал «до завтра»?

– Я приглашаю тебя на пикник. Встретимся завтра на Паддингтонском вокзале в половине двенадцатого. Я планирую увезти тебя в Кентербери и там удивить еще больше. – Дже-

маль не дал ей вставить и слова. – Чувствую вину перед твоей подругой, когда вчера в ресторане разъединил вас. Приглашаю и ее тоже. Позвони ей сегодня утром. И ты можешь подумать, что хочешь.

– Нас будет трое?

– Нас будет трое.

И Мари задрожала от возбуждения.

Руби Уоллес сломя голову бежала к перрону. Она опаздывала на поезд, и спасти ее могла только скорость, которую она набрала у газетного киоска. С вокзала Паддингтон, площади которого раскинулись в одноименном районе, отправлялись поезда дальнего следования и пригородный пассажирский транспорт. Именно на поезд, отправлявшийся в Кентербери в 12.07, и опаздывала Руби. И ее ничуть не успокаивал тот факт, что поезда в этом направлении по выходным следуют каждый час.

Неприятности для Руби Уоллес начались буквально у порога апартаментов: целых пять минут она провозилась с подъездным замком, и все впустую. Она нажимала на кнопку, смотрела на индикатор, который, как и положено, менял красный свет на зеленый – «открыто». Но не тут-то было: длинный язычок замка оставался на месте – внутри массивной скобы запорной планки. «Ну давай, – торопилась Руби, нажимая и нажимая на кнопку. – Давай вылезай, чертов хамелеон! Понравилось тебе там, что ли?!» В конце концов она пнула металлическую дверь, вызвав недовольство управляющего – Джона Кэмпбелла, которого по имени никто не называл, а только по фамилии, превратившейся в кличку. Криворотый подошел к Руби сзади неслышно и мог остановить ее голосом или прикосновением руки. Но в нем навечно поселился менеджер, и он не мог не зафиксировать акт вандализма. Только после этого он открыл рот:

– Я вычту с вас десять фунтов за порчу имущества.

Руби резко повернулась к нему... и единственный раз в жизни отказалась вступить в пререкания. И это несмотря на факты, говорящие в ее пользу: скорее это она получила травму, пнув в тяжеленную дверь ногой, обутой в мягкую кроссовку.

– Я опаздываю. А ваш чертов замок не открывается.

– Вы бы подняли глаза и увидели, где он находится. Дайте я. – Криворотый плечом оттолкнул Руби, обдав ее луковым запахом пота, и нажал на кнопку. И еще раз.

– Видите? – Руби Уоллес пошла в наступление. – Я опаздываю на поезд. Он отправляется с Паддингтонского вокзала в семь минут первого. И если я действительно опоздаю, то сама выставлю вам счет. Меня в кои-то веки пригласили на пикник...

Она не помнила такого случая. Хотя чего уж проще: нужно только набраться храбрости, открыть рот: «Дорогая, я погрузил в машину гриль, уголь. Пока мясник в лавке заворачивает свежее мясо в бумагу, ты выбери вино в соседнем магазине». Руби в компании Мари Блант и вчерашнего «арабского скакуна» – лицо третье, но тоже ее полноправный член (чтобы расстроить компанию или наоборот, неважно – время покажет). К ней проявили уважение – это раз. Со стороны «скакуна» – поступок в прямом смысле этого слова, и это два.

Джон Криворотый словно подслушал ее мысли.

– Пойдемте, я выпущу вас через пожарный выход. Вижу, вы действительно опаздываете.

– А то!

Оказавшись наконец-то на улице, Руби взяла такси, сунула водителю-индусу купюру.

– На вокзал! Сдачи не надо.

* * *

Диктор по радио объявил, что до отправления поезда, следующего до Кентербери, осталось пять минут. Ахмед Джемаль не сомневался, что отправится он точно по расписанию и придет спустя полтора часа, минута в минуту.

Джемаль огорченно качал головой, отвечая на «деловой звонок»: «Да, босс, да» – и, прикрывая трубку рукой, успевал бросать Мари короткие успокаивающие фразы: «все в порядке», «не волнуйся». Когда разговор подошел к концу и он нажал на кнопку отбоя, Мари Блант прежде всего выразила сочувствие подруге:

– Руби будет сильно разочарована. Обычно нашу пару разбивают, а тут... склеили. – Она усмехнулась и развела руками. – Не знаю, плакать или смеяться. Тебя срочно вызывают на работу, правильно я поняла, Рахман?

Ахмед Джемаль, убрав трубку в карман, взял Мари за руку:

– Тебе не о чем беспокоиться. Наш пикник не отменяется.

– Вот как?

– Да. – Агент снова бросил взгляд на свои «Ориент», потом в окно поезда, пытаясь разглядеть вокзальные часы. – Ты и Руби дождетесь меня в Кентербери. Мой водитель будет ждать вас.

– Я помню, ты говорил о машине.

– Очень жаль, что я не смогу составить вам компанию в поезде, но я обещаю нечто большее – незабываемый вечер.

– Еще один вечер, – улыбнулась Мари.

– Да. – Он не стал опускаться до телячьих нежностей, но руку женщины по-прежнему не отпускал. – Я улажу дела за тридцать-сорок минут. Я попросил босса приехать на вокзал, и он появится с минуты на минуту. Думай о хорошем, Мари.

Ахмед Джемаль умело направлял ее мысли в нужном ему направлении...

Мари не могла не думать о прошедшей ночи, которую про себя назвала сказкой. Конечно, многое выветрилось из головы, но никто и никогда не любил Мари, как этот человек. Только на прошлой неделе она «рапортовала» Руби в стиле Пэт из английского телесериала «Красиво жить не запретишь»: «Попался настоящий мачо. Я чуть стену головой не пробила». И вот – резкий контраст. Рахман отдал ей всего себя, что для Мари было странно...

Она думала об этом, когда поезд тронулся с места, а мысли ее прервались, когда она удивленно вскинула брови: «А где же Руби?» Потом облегченно вздохнула: «Хорошо, что ее не будет с нами». Она опоздала или не захотела принять участие в загородной прогулке? Неважно, неважно. Придерживая рукой дорожную сумку Джемала, в которой таймер начал отсчитывать последние минуты в ее жизни, Мари с надеждой, наполненной мечтами, слепо посмотрела в окно...

* * *

Гордон Рейн, быстрый и резкий, прозванный Гепардом, был одет в черные джинсы и синюю куртку с капюшоном, отороченным белой лентой. Капюшон он натянул на голову, и те, кто не видел его лица, были уверены, что это чернокожий. Капюшон скрывал и гарнитуру рации, посредством которой он в эту минуту принимал доклад от своего напарника.

– Все идет по плану...

«По плану» означало и то, что получасом раньше партнер Гордона «тормознул» Руби Уоллес ровно на пять минут, заблокировав ее в подъезде, и она фактически опаздывала на поезд. *Ее опоздание должно было выглядеть естественным, а не искусно сфабрикованным*, вспомнил Гордон Рейн напутствие шефа, и эта фраза показалась ему странноватой, как будто он оглох на одно ухо.

Он обменялся знаками с Ахмедом Джемалем, остановившимся в нескольких шагах от него. И они уже вдвоем, стоя по разные стороны газетного развала, ждали появления Руби – как рождение главного свидетеля грядущего преступления.

А вот и она.

– Вот она! – продублировал мысли Гордона Ахмед Джемаль. – Спешит как на пожар. И в таком бешеном темпе может успеть. Задержи-ка ее, Гордон.

Эти слова Ахмед передал по рации, надев гарнитуру.

Гордон, еще глубже натянув на голову капюшон, рванул наперерез Руби. Она ничего, кроме последнего вагона, вокруг не видела. И когда «грабитель» рванул у нее из рук сумку с бутылкой немецкого сухого вина, фруктами и зеленью, она, по инерции закрутившись вокруг своей оси, грохнулась на заплыванный пол вокзала.

Все же в падении она успела ухватиться за ремешок, но парень, лица которого она не разглядела, оказался сильнее и проворнее. Он издевательски виртуозно подпер сумку, сламытая сопротивление своей жертвы, и рванул к выходу из этого натурального пересадочного узла, связанного с несколькими станциями лондонского метро. Трусливая людская толпа расступилась перед ним; сотни рук крепче вцепились в свои сумки.

– Вот и все, – обреченно, как будто опоздала на собственную свадьбу, обронила Руби. – Вот и все, подруга.

Из толпы отделился какой-то человек, помог ей подняться на ноги и снова слился с толпой, и она безучастно смотрела ему вслед.

Руби хотела было позвонить Мари, но сотовый телефон остался в сумке. И этот факт бросил ее на самое дно тоскливого одиночества.

* * *

Ахмед Джемаль, позвонив Натану Паттерсону, коротко доложил:

– Дело сделано.

Купив на развале газету, он покинул это шумное место и присоединился к своей группе из четырех человек, ожидавшей его в машине. Гордон Рейн, сидевший за рулем, поинтересовался, что ответил Паттерсон Джемалю.

– «Кто бы сомневался», – сообщил тот.

* * *

По пути домой Руби зашла в магазин, в котором накануне купила вино, и на вопрос продавца: «Ну что, понравилось, пришли за второй бутылкой?» – могла бы ответить такой же разнузданной тирадой: «Да, пошло – просто охренеть, не могла не прийти за второй». Только вряд ли продавец узнал в ней ту жизнерадостную, вырвавшуюся из плена трезвых будней женщину; он подал ей то, что она попросила в этот раз: бутылку дешевого, буквально сногшибательного виски и пакетик со льдом. Руби вернулась домой и по логике вещей не могла не столкнуться нос к носу с Джоном Криворотым, в общем холодильнике которого лед – страшный дефицит, как в аду. Он даже посочувствовал, как скряга, скрыто упиваясь личной трагедией постоялицы:

– Опоздали?

– Я выставлю вам счет.

Джон улыбнулся, как и положено криворотому, – на одну сторону.

Руби поднялась к себе на третий этаж, переоделась в теплый халат, выпила виски. Повторила, наслаждаясь горячей волной, докатившейся до самого центра удовольствий ее головы. Подумала о времени. О том коротком промежутке, насыщенном событиями и эмоциями настолько, что голова закружилась. Руби выпила еще и, уронив голову на подушку, уснула.

Ей приснился сон. Она пытается закрыть туго набитый деньгами чемодан, но все ее попытки оказываются провальными. Голос управляющего из-за спины подсказывает: «Коленом, Руби, коленом его!» Она нажимает коленом на крышку и продавливает ее – до самого дна

чемодана, на поверку оказавшегося пустым. Непостижимо. Волосы дыбом, ощущение падения в бездну.

Она проснулась. Долго лежала, слушая учащенное сердцебиение, которое могло бы вызвать беспокойство даже у самого паршивого кардиолога. Потянулась к пачке сигарет на тумбочке, но тотчас отдернула руку: дала же зарок не курить натошак. Натощак? Но сейчас за окном далеко не утро, и она за этот день просыпается во второй раз. Руби покачала головой: «Нет, я еще не проснулась».

Она нащупала пульт, как всегда, провалившийся между подушками софы, включила телевизор, убрала громкость «на нет» и попыталась разобрать по косточкам свое сновиденье, что же ее так сильно взволновало в коротком сюжете. Не набитый деньгами чемодан из реквизита фокусника, а падение в бездну как давно забытое ощущение свободного, пусть даже камнем вниз полета. В детстве Руби летала во сне. В юности – падала, разучившись летать. Ну, а в зрелом возрасте полеты распространены только в психушках. И вот снова она вернулась, как спортсменка, завершившая карьеру, – чтобы тряхнуть стариной. Полет не удался, а вот падение оказалось на загляденье. Судьи-невидимки, укрывшиеся на дне каменистого ущелья, выбросили в едином порыве таблички с высшей оценкой «10», пожмотившись на полбалла за сложность падения или угол его отражения.

Все. Пора вставать.

Когда Руби прошла по холодному полу, поджимая пальцы ног, снова, как будто это случилось вчера, пережила падение семилетней давности. Платяной шкаф наполовину открыт, сиротливые плечики покачиваются на своих местах, Руби прощается с мужем: «Катись ты к черту, скотина!», потом смягчается, задевая то ли свою, то ли его гордость: «Ну если раздумаешь...» Он в ответ на ее полупредложение ставит чемоданы на площадку, хватается за ручку двери и со всей дури хлопает ею; даже с потолка управляющего сыпется штукатурка. Поэтому-то сегодня днем ей и приснились и дорогие, и в то же время пустые чемоданы.

Проводной телефон зазвонил, когда Руби чистила в ванной зубы. Ей пришлось, подставляя ладонь под стекающую, как у бешеной собаки, изо рта пену, вернуться в комнату. Высветившийся на монохромном экране номер она видела впервые и не стала отвечать на звонок; возможно, как это часто бывает, кто-то ошибся номером. Однако через минуту неизвестный абонент снова дал знать о себе. Руби, успевшая сполоснуть рот и лицо, ответила тоном знатной особы:

– Да, Руби Уоллес.

И только что не назвала свой адрес и даже этаж.

И – вздрогнула, когда в короткой прихожей раздался звонок в дверь. Она отчего-то вспомнила таксиста, которому переплатила вдвое. «Может, принес сдачу?» – хмыкнула она, открывая дверь. И на пороге встретилась взглядом с управляющим, держащим мобильный телефон у уха.

– Это я вам звоню, Руби.

– Зачем вы звоните, если пришли? *Пришли* к выводу, что воспитывать в себе хорошие манеры никогда не поздно?

Джон Криворотый едва дослушал постоянлицу.

– Вы опоздали на двенадцатичасовой поезд? Тот, что отправился с вокзала Паддингтон в Кентербери в 12.07?

– Да. А что, он завернул к нашему подъезду?

– Я продаю замок.

Руби помахала открытой ладонью у лица Криворотого:

– Аллю, попали в мерцающую зону?

– Я продаю замок с входной двери и прошу за него тысячу фунтов. Как-никак он спас вам жизнь. А если серьезно, то включите телевизор.

Джон прошел вслед за Руби в комнату, сам прибавил звук, ткнул пальцем в ползущие по тревожной желтой полосе траурные буквы: «Теракт в Соединенном Королевстве. Террористы атаковали пригородный поезд, следующий из Лондона в Кентербери, в нескольких километрах от пункта назначения. По предварительным данным, 26 человек погибли, не менее 50 получили ранения».

Руби, еще не охватив всего ужаса случившегося, растерянно захлопала глазами:

– Вообще-то меня спас грабитель. Если бы не он...

Она на ватных ногах подошла к столику, налила себе виски. Кивком предложила выпить управляющему – тот отказался, покачав головой и похлопав рукой по правому боку: печень. Он по-прежнему держал сотовый телефон на виду, как будто предлагал Руби позвонить тем, с кем она собралась провести этот выходной.

Она не помнила номер телефона Мари Блант – он «сидел» в памяти украденного мобильного. Слава богу, в ящике стола лежала бумажка с ее номером. Руби попросила у менеджера трубку и дрожащей рукой набрала номер. Механический голос оператора больно стегнул ее по сердцу: «Абонент находится вне зоны досягаемости сети».

– Она вне зоны.

– На месте происшествия работают спецслужбы, – попробовал успокоить ее управляющий. – Их оборудование глушит всю сотовую связь на случай повторного взрыва и если в качестве сигнала террористы используют сотовую связь.

– Понятно... Вы много знаете. Попозже я снова позвоню. Мой телефон украли вместе с сумкой.

– Да, без проблем. Приходите. – Криворотый задержался на пороге: – Беда никогда не приходит одна, правда?

Он ушел. Руби осталась один на один с паршивыми новостями... В ее груди еще теплилась надежда, подогретая неожиданно сердечным тоном менеджера: телефон Мари не отвечает по причинам, вызванным оперативной необходимостью. В теленовостях не сообщили, в каком вагоне произошел взрыв, и Руби молила бога: «Только не в третьем, господи, только не в третьем». Она тревожилась за подругу, как за родную сестру, и только теперь начала понимать, насколько трагедия может сблизить людей.

Она выпила еще виски, мимоходом пожалела о том, что у нее нет компьютера. Она могла позволить себе недорогой ноутбук с выходом в Сеть, но острой необходимости в этом Руби не видела. Ей за глаза хватало рабочего компьютера. Два-три раза в неделю она отсылала десять-пятнадцать писем и столько же принимала, проходила пару уровней ролевой игры. Это в отличие от Мари Блант, которая не только «торчала» в социальных сетях, но и пользовалась услугами интернет-магазинов.

Сейчас Руби Уоллес катастрофически не хватало свежей информации, горячих, что называется, с колес новостей. В то же время она боялась их.

Так в каком вагоне произошел взрыв, в третьем?

Предчувствия ее не обманули; она словно притянула этот злосчастный номер, нажав ответ. Диктор сообщил о третьем взорванном вагоне; второй и четвертый пострадали частично; поезд с рельсов не сошел; машинист принял решение на экстренное торможение... Дальше Руби слушала рассеянно. Она обратила внимание лишь на тот факт, что телеканал в ближайшее время обнародует списки погибших, а пока телезрителям предлагалась возможность воспользоваться телефоном горячей линии.

Руби сняла трубку телефона и набрала номер, прочитанный ею с экрана. Она не ошиблась, подумав о вале телефонных звонков, однако один из операторов на линии ответила сразу.

– Алло, здравствуйте, – приветствовала ее Руби. – Я бы хотела узнать о судьбе одного человека. Моя подруга – Мари Блант – ехала в Кентербери как раз в третьем вагоне. Ее сотовый не отвечает.

– Одну секунду. – Оператор сделала паузу. – К сожалению, на данный момент у нас нет информации о Мари Блант. Пожалуйста, свяжитесь с нами позже. И – спасибо за предоставленную вами информацию.

Таял день, и таяло содержимое бутылки; последняя одержала верх и оказалась то ли пуста, то ли полна наполовину. И все же события развивались так стремительно, что вскоре Руби получила новости, выбившие почву у нее из-под ног. Самодельное взрывное устройство, с большой долей вероятности, находилось в сумке пассажирки скоростного поезда Мари Блант, пострадавшей больше, чем остальные.

Руби не могла взять в толк: как можно пострадать больше остальных, если остальные тоже погибли? Почему они не могли сказать, что тело Мари Блант пострадало сильнее? А имеет ли это значение? Для остальных – нет, для Руби – да, имеет. Она отчетливо представила «экстремистские» глаза вчерашнего незнакомца, в голове прозвучал акцентированный в одном месте голос Мари: «Рахман приглашает нас – *меня и тебя* – на пикник в Кентербери!» Имя самого Рахмана в списке жертв «кентерберийской трагедии» не значилось. «Чего тебе еще надо? Снимай трубку и звони в полицию». Руби дала себе слово: она так и поступит, но отложит это на завтра. Ее голова, казалось, лопалась от напряжения; восьмичасовой отдых – вот что могло немного подлечить ее душевные раны. «Без сна я – не человек».

С этими словами Руби, плеснув в стакан обжигающего напитка и нарушив его баланс в бутылке, упала на постель. Рука потянулась к ночнику. Щелчок выключателя, и комната погрузилась во мрак. Она уснула как убитая. Но проспала считанные минуты: ее снова разбудил управляющий. И за его спиной она увидела двух человек в полицейской форме. Один из них открыл было рот, однако Руби опередила его:

– Сейчас оденусь. Подождите меня за дверью.

– Мы подождем вас в машине, – улыбнулся ей тот, что был помоложе. – В полицейском участке вам зададут несколько вопросов, и мы привезем вас назад.

Через полчаса она лично познакомилась с шефом отдела собственной безопасности военной разведки, который допрос начал с резкого вопроса, как новичок в разведке: «Как вас зовут?»

Глава 5

Рождение главного свидетеля

– Как вас зовут?

– Вы можете называть меня как угодно, – мгновенно парировала Руби и положила ногу на ногу, как Шэрон Стоун в фильме «Основной инстинкт». И даже попыталась выпустить колечко дыма в лицо следователю.

Эта, по сути, реконструкция знаменитой сцены, по-настоящему прославившей американскую актрису, на Натана Паттерсона подействовала отрезвляюще. Он рассмеялся, подумав: «Какого черта я сорвался на эту бабу?» Она тоже отметила результат своей неожиданной импровизации и усмехнулась. Ну и черт с ней, еще раз незлобиво выругался Натан.

В этом кабинете с полупрозрачной дверью, за которой мелькали тени сотрудников полицейского участка, возникла пауза. Паттерсон использовал ее, чтобы разобраться в самом себе, найти причину своей неуравновешенности. Устал? Ну не то чтобы валился с ног, потерял аппетит и прочее в том же духе. В этом деле Натан Паттерсон чувствовал внутренний дискомфорт, а причина этого неудобства, как ни крути, – ложь. Прогремел первый, тоскливо ожидаемый взрыв. Он стал результатом давнего сфабрикованного дела. Как сказал Стивен Макгрегор, только слепой не мог заметить четкого плана. Верно – но с высоты уже свершившихся дел. В хронологическом порядке они выглядели следующим образом... Натан поморщился. Его тошнило от лицемерия... Запада. Да, пусть будет так: *Лицемерие Запада*, причем с заглавной буквы и курсивом. Если сравнить это дело с пресловутой палкой, то на одном конце – сфабрикованное против Ливии дело, с другой – сотни массивированных авиаударов. Лично Муаммару Каддафи, сыну бедуина Абу Меньяра и его жены Айши, Запад не мог простить его «успешной карьеры».

Группа специалистов, ответственная за взрыв на борту «Боинга-747-121», насчитывала пять человек; самому старшему – не больше, чем Муаммару Каддафи, в двадцать шесть лет совершившему в стране военный переворот, жертвами которого стали всего два человека. Да, все молоды, можно сказать, без мозгов. Как натасканным овчаркам, им сказали «фас!» – и они ринулись исполнять приказ. Потом каждый из них получил повышение – хотя на первый взгляд к делу это отношения не имело. Но вот вопрос: если бы Натану Паттерсону с группой «безмозглых» единомышленников сейчас предложили подобную чудовищную провокацию, согласился бы он? В качестве исполнителя – нет. И еще сто раз нет. Потому что он научился мыслить, отдавая отчет своим действиям; он научился выискивать ответы... Нет, не так. Он научился материализовывать призраков. И вот в день нынешний они выстроились перед ним плотной стеной: пассажиры рейса № 103. Он не раз видел снимки каждого (*каждого* – мысленно подчеркнул он)...

Пришло время расхлебывать кашу, которую он когда-то замешал. Можно писать книгу под названием «Рецепты политической кухни», автор – Натан Паттерсон. Он криво усмехнулся.

Натан открыл новый, купленный им в магазине блокнот. Это несмотря на то, что в ящике его рабочего стола их скопилось полтора десятка. На первой странице – имя, нацарапанное крупными корявыми буквами; как будто он, вырвавшись из глубины ночного кошмара, написал имя своего душителя. В то время он сидел за рулем «Ягуара», принимая звонок от Шона Свитинга, назвавшего ему имя «вероятного свидетеля теракта». Хотя Паттерсон знал этого человека, все же отыграл сцену до конца и записал его имя в блокнот, когда машина въехала на брусчатку.

– Вас зовут Руби Уоллес?

– Да. А вас? Вы так и не представились.

Точно. Он ворвался сюда как ошпаренный.

– Натан Паттерсон.

– У меня был знакомый с такой фамилией, только звали его по-другому. Сейчас ему чуть за пятьдесят и он живет в Уэмбли. Он не ваш родственник?

– Не исключено. В нашем роду все мужчины отличались отменным вкусом.

Руби улыбнулась кончиками губ и потушила сигарету в пепельнице.

– Мне придется заново ответить на вопросы, которыми меня засыпали здесь до вас?

– Боюсь, что так.

Паттерсон не стал знакомиться с протоколом допроса свидетельницы – ему было важно самому составить представление об этой женщине: какой она человек, какие у нее представления о жизни. И прежде чем она начнет описывать художнику-криминалисту внешность подозреваемого, с деталями словесного портрета ознакомится он, агент «Сикрет сервис».

– Расскажите все, что знаете об этом деле, своими словами. Необязательно в хронологическом порядке – все со временем станет на свои места. Может быть, хотите кофе?

– Я бы выпила виски.

– Ну, глоток делу не повредит.

Виски (отличный шотландский виски с характерным дымным ароматом) нашелся в металлическом шкафу начальника участка. Он лично принес стакан, наполнил его на четверть, бросив два недовольных взгляда: на Руби Уоллес и агента «Сикрет сервис».

– Значит, дело было так, – начала Руби. – Сидели мы с подругой в ресторане.

– Одну секунду. Как звали вашу подругу?

– Ну как же – Мари. Мари Блант, которая... стала жертвой сегодняшнего теракта, – подобрала Руби определение.

– Хорошо. Продолжайте.

– Так вот, нам с Мари хотелось оттянуться, как никогда. Я рассчитывала снять парня лет двадцати пяти. Мари буркнула, что ей сгодился бы и постарше. И она первой увидела его. Ей повезло. Ну в том плане, что сидела лицом к нему она, а не я. Хотя, наверное, повезло все-таки мне: иначе с вами сейчас беседовала бы Мари. Она обменялась с этим мужчиной знаками и дала знать мне, что я третий лишний. Я не обиделась. Со мной такое и раньше случалось. Я встала, обернулась. Этот мужик мне сразу понравился: тридцать пять, араб, довольно высокий, плечистый, с сильными руками...

– Такие подробности, – сделал ей комплимент Паттерсон.

– Я такие детали на лету схватываю, – ответила Руби. – Я могла пересесть за другой столик, но настроение мое покатило, как слеза по щеке. Когда я вышла из ресторана, Мари уже сидела в компании этого арабского скакуна. Она позвонила мне на следующее утро и начала трепаться – не про то, как она провела ночь, а как собиралась провести день. Ее новый знакомый пригласил нас на пикник.

– Простите. Вы сказали «нас». Я правильно понял, Руби: этот мужчина пригласил и вас тоже?

– Ну да. – Она пожала плечами. – Может быть, я не знаю, он таким образом решил компенсировать нанесенный мне накануне урон.

– Продолжайте, – улыбнулся Паттерсон. – Вы согласились?

– Я согласилась. Мы договорились встретиться на Паддингтонском вокзале. Я опоздала. Буквально на три или четыре минуты. Бежала за поездом и кляла машиниста на чем свет стоит. А спустя час, когда я вернулась домой и увидела по телевизору новости, я послала ему тысячу благодарностей. Хотя нет, это случилось позже, когда я тщетно пыталась связаться с Мари по телефону. В новостях показали список погибших, и я поняла, что была на волосок от смерти. Я откликнулась на призыв полиции, как передали в новостях – признательной за любую инфор-

мацию о теракте, точно не помню. В этом участке мне сказали, что предположительно взрывное устройство находилось рядом с Мари, возможно, в ее сумке. Что это значит?

– Это значит, что мужчина, которого вы видели в ресторане, пригласил и вашу подругу, и вас на пикник, чтобы, во-первых, использовать одну из вас в качестве живой бомбы, во-вторых, избавиться от вас как от свидетеля. Со вторым у него ничего не вышло, но вряд ли это его сильно расстроило. Он мог убрать вас, проследив за вами от перрона до вашего дома.

– Значит, его не было в поезде?

– Я представляю этот фрагмент так. Он посадил Мари в поезд, а сам остался, сославшись на какое-то срочное дело, договорился встретиться с ней в Кентербери через полчаса или час. Поезда в этом направлении отправляются по выходным через каждые двадцать минут, и Мари по этому поводу не беспокоилась. Не уверен, что взрывное устройство находилось в сумке Мари. Скорее – в сумке самого террориста; Мари и в голову не пришло заглянуть в нее. Возможно, адская машинка находилась под продуктами, вином, салфетками... что еще берут на пикник?

– Скатерть, зонтик, – машинально ответила Руби. – Выходит, он видел меня...

Паттерсон отчетливо представил себе Ахмеда Джемала – высокого, широкоплечего, сильного (сейчас он дожидался шефа в его машине). Он провожает глазами скоростной поезд и усмехается над опоздавшей к отправлению Руби Уоллес.

– Выходит, что так. – Паттерсон жестом руки подозвал начальника участка. – Я хотел спросить о вашем художнике-криминалисте.

– Он один из лучших, – последовал ответ.

– Пусть ваш не обижается, но на майке нашего художника вышит шелком номер 1.

Глава 6

«Вас будут охранять...»

Руби вернулась домой поздно вечером. К подъезду ее довели на служебной машине британской разведки, и она ощутила на себе соблазнительное бремя важной персоны – пусть даже в качестве пресловутой свидетельницы номер один, о которых сложена уйма романов. «Вас будут охранять», – сказал ей напоследок Паттерсон, и Руби, взглядевшись в его потемневшие глаза, поняла: этот человек смертельно устал. Всем, даже разведчикам со стальными нервами, требовался отдых.

Дома она первым делом приняла горячую ванну. Прихватив с собой свежее белье и полотенце, успела дойти до середины комнаты – и вдруг ее внимание привлек шум с улицы. Руби подошла к окну и увидела картину под названием «Утечка информации». Столько репортеров (с видеокамерами, фотоаппаратами, диктофонами, блокнотами и микрофонами) можно легко представить возле дома Натали Портман, завоевавшей уважение британцев тем, что побрила голову и научилась говорить с британским акцентом для роли в фильме «V – значит вендетта». Но сегодня к закату клонился ее, Руби Уоллес, день. Неяркий, пробившийся сквозь дым взорванного поезда луч славы коснулся ее. И она не смогла сдержать усмешки, глядя на репортерскую толпу сверху вниз: «Я знаменита». Она не знала, на день или два, но это больше срока, выпавшего на долю халифа...

Руби долго, слишком долго приводила себя в порядок. Когда покончила с вечерним макияжем – как будто действительно вознамерилась дать интервью, – двор неожиданно опустел. Только пара полицейских осталась у подъезда. Руби представила себе странную картину: пока она приводила себя в порядок, к подъезду подкатил автобус, люди в штатском затолкали репортерскую братию внутрь и вывезли за город. Без них спокойнее, мужественно решила Руби. И поправилась: привычнее.

Бросив взгляд на часы, она включила телевизор: ровно девять, время очередного блока новостей. В первую очередь напряженный диктор назвал имя гостя в студии: Натан Паттерсон, официальный представитель МИ-6...

Случай из ряда вон, потому что единственный сотрудник службы, официально объявленный публично, – являлся ее директором, подотчетным лишь министру иностранных дел. Так что Натану Паттерсону, поневоле ставшему вторым публичным лицом службы, представилась возможность выступить с официальным заявлением.

За студийным современным столом, на фоне картинки с искореженным вагоном скоростного поезда Натан Паттерсон, одетый с иголки (темно-синий костюм, голубая рубашка, однотонный галстук), выглядел как голливудская звезда. Поглощенная разглядыванием внешнего вида человека, с которым она провела в беседе около трех часов, Руби пропустила его начальные слова; встрепенулась она при упоминании Паттерсоном знакомого имени: Рахман.

– К этому часу мы располагаем сведениями об организаторе теракта на железнодорожной линии Лондон – Дувр. Это офицер ливийской спецслужбы Салех ар-Рахман. Ответственный за связи с террористическими организациями за рубежом, ар-Рахман тем не менее для совершения теракта использовал постороннее лицо – Мари Блант. Не исключено, что в дальнейшем Салех ар-Рахман применит другую тактику: удары по мирному населению Соединенного Королевства совершат боевики террористических группировок. Как сообщил нам ливийский полковник абд-Аллах, ар-Рахман планирует целую серию терактов. Эксперты нашей службы установили состав взрывного устройства – это вид пластита, произведенного в Чехии. Взрывное устройство на его основе стало печально известным по делу Локерби. Взрыв на борту «Боинга-747-121», выполняющего рейс Лондон – Нью-Йорк, напомним, прогремел с помощью

взрывчатки семтекс. Для справки: в состав семтекса входит пентрит – одно из самых мощных бризантных взрывчатых веществ – и гексоген. Семтекс изобрел в конце 1950-х чешский химик Станислав Бребера и назвал свое адское изобретение в честь пригорода Семтин города Пардубице, где производилась взрывчатка с середины 60-х годов. Во времена холодной войны тысяча тонн чешского пластита попала во Вьетнам и Ливию, он успешно использовался против американских войск во время вьетнамской войны. В Ливии чешская пластиковая взрывчатка попала в руки террористических группировок. Нас всех очень тревожит, что история с чешским пластитом повторяется. Он из «старой» партии, поскольку, как утверждают наши эксперты, не помечен летучими веществами, как требуют того от производителя международные стандарты. То есть газовые анализаторы в аэропортах, к примеру, окажутся перед семтексом бессильны. Мы вышли на след Салеха ар-Рахмана так быстро и оперативно благодаря главному свидетелю. Я бы не стал называть его имя, но, к моему большому сожалению, мы столкнулись с фактом утечки информации: имя свидетеля уже прозвучало в семичасовых новостях. Трой Морган Смит, возглавивший чрезвычайный комитет, поручил мне обнародовать фоторобот ливийского террориста. Несмотря ни на что, призываю граждан не поддаваться панике. Если вы и раньше видели этого человека, если вы узнаете его на улице, в транспорте, в офисе, в любом другом месте, немедленно сообщите об этом в ближайший полицейский участок или позвоните по телефону, который вы сейчас видите на своих экранах.

Руби Уоллес в деталях припомнила, как вместе с художником она корпела над словесным портретом ар-Рахмана. И надо сказать, у них получилось здорово. Сходство идеальное. Руби не могла предположить, что обладает уникальной способностью восстановить мельчайшие детали человека, которого она видела, можно сказать, мельком. Хотя нет. В ресторане, когда ар-Рахман паялился на Мари, она прожгла его своим сенсорным взглядом, заряженным изрядной порцией ревности: он уйдет с ее подругой, а Руби останется одна.

Сначала она ответила на несколько коротких вопросов художника: лицо овальное, правильной формы, глаза темные выразительные, подбородок мужественный, уши прижаты к голове; широкая залысина – скорее достоинство этого красивого человека, нежели недостаток. Заслуга художника в том, посчитала Руби, что он сумел разговорить ее в нужном ему направлении, таким образом, что она по ходу вспоминала все новые детали (взять хотя бы резко очерченные, азиатские, как сказала она, скулы ар-Рахмана). Задавая вопросы и выслушивая ответы, художник делал на плотном листе бумаги наброски (Руби заметила, что он часто пользовался ластиком, убирая с рисунка ненужные штрихи). Когда он дал ей посмотреть набросок, Руби сходства с оригиналом не увидела. Точнее, как потом она выразилась, она смотрела на Рахмана как будто через матовое стекло. Это сравнение пришло к ней не вдруг. Пару лет тому назад ей пришлось столкнуться с ненормальным, которого в районе Лондонской гавани окрестили Подсматривателем. Тот псих выбирал женский туалет, забирался туда и подсматривал за писающей дамой либо из соседней кабинки, в которой и прятался, либо через приоткрытое окно, но уже снаружи помещения. Тогда Руби зашла в туалет, большинство кабинок в котором было сломано – без дверей. Напротив – прямо над раковиной – узкое окно с матовым стеклом. У нее волосы дыбом встали, когда свет с улицы заслонила чья-то тень, а потом уже свет лампы изнутри осветил чье-то лицо. Руби закричала так сильно, что задрожало это самое стекло, а изображение Подсматривателя словно осыпалось вниз...

Художник, уточняя детали, продолжил работу. Сам он не курил, но Руби разрешил выкурить сигарету, спросив: «Сделаем перерыв?» – «Если вы устали». – «Тогда продолжим». В общей сложности работа художника заняла чуть больше часа, и Мастер (Руби потом отметит это вслух) показал ей свою работу. Руби открыла рот. Подавила в себе желание обернуться и посмотреть, не стоит ли ар-Рахман у нее за спиной. У нее сложилось стойкое ощущение, что художник писал с натуры или рисовал, она не знала, как правильно. Сходство оригинала с рисунком поразительное. Именно этого человека она видела в ресторане. И – вдруг вспом-

нила одну существенную деталь, о которой не решилась сказать художнику или тому же Натану Паттерсону – время ушло. Дело в том, что она, оставив ресторан и проходя мимо, заглянула в окно как раз в тот момент, когда Рахман, улыбаясь Мари, подсаживался к ней. И здесь она сделала существенную поправку: Рахман не понаслышке знал о светской жизни. Его манеры, его выражение лица несли несмываемый отпечаток, с которым даму ангажируют, а не снимают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.